

шіи намъ проповѣди. Да и когда начали являться въ литературѣ проповѣди на латинскомъ Западѣ, онѣ не пѣли въ первое время формы словъ или поученій, а при изданіи перекладывались въ разсужденія или изъясненія Писанія: онѣ являлись въ формѣ книгъ и комментарий и озаглавливались libri или expositiones. Это имѣетъ свое приложеніе не только къ проповѣдямъ св. Іларія, но даже къ проповѣдническимъ произведеніямъ такого замѣчательнаго церковнаго оратора, какимъ былъ св. Амвросій Медиоланскій, который, слѣдуя литературному обычаю своего времени, издавалъ въ свѣтъ свои бесѣды не въ ихъ первоначальномъ непосредственномъ видѣ, а въ формѣ книгъ. При такомъ положеніи проповѣдническаго дѣла на Западѣ въ первые вѣка заслуживаетъ особеннаго вниманія историковъ тотъ единственный отецъ, который въ своихъ письменныхъ произведеніяхъ оставилъ по себѣ ясный слѣдъ въ исторіи проповѣдничества.

Мы назвали св. Ипполита римскимъ епископомъ, и считаемъ его представителемъ западной церкви. Римскимъ епископомъ именуется онъ и въ нашихъ мѣсяцесловахъ, въ которыхъ память его приурочена къ 30 января. Не подвергалъ сомнѣнію римское епископство св. Ипполита, мы должны замѣтить, что не все ученые признавали его жителемъ Запада, и очень многіе не хотѣли въ немъ видѣть епископа города Рима. Имя св. Ипполита окружено въ исторіи густымъ туманомъ, и много высказано было мнѣній, много было горячихъ споровъ касательно мѣста его служенія. Намъ нѣтъ нужды входить въ нарочитыя разслѣдованія этого предмета. Мы имѣемъ въ виду однѣ его проповѣди, и ихъ дошло до насъ вовсе не такъ много, чтобы изъ-за нихъ подвергать всестороннему обследованію запутанный вопросъ объ историческомъ служеніи св. Ипполита, и выдвигать со всею подробностію весь длинный ученый матеріалъ, какой накопился въ теченіе вѣковъ въ наукѣ по поводу споровъ о мѣстѣ служенія св. Ипполита. Но мы считаемъ не излиш-

нимъ указать на главныя мѣстѣя, къ какимъ приходили ученые, упоминавшіе объ Ипполитѣ, и трудившіеся надъ разъясненіемъ его исторіи, и выставить тѣ результаты, на какихъ основывалась наука въ послѣднее время.

Споры о мѣстѣ служенія св. Ипполита возникли и были возможны потому, что у самыхъ древнихъ писателей церковныхъ, которыми руководятся всѣ позднѣйшіе историки, не указывается мѣсто служенія нашего отца, и онъ называется епископомъ безъ опредѣленнаго указанія той церкви, въ которой онъ предстоятельствоваъ. Самый древнѣйшій и достовѣрнѣйшій церковный историкъ Евсевій Кесарійскій упоминаетъ о св. Ипполитѣ въ главѣхъ объ ученыхъ мужахъ III вѣка, сочиненія которыхъ были ему извѣстны, и сохранились до его времени въ элійской (іерусалимской) библиотекѣ, устроенной тамошнимъ епископомъ Александромъ. Къ числу этихъ замѣчательныхъ мужей III вѣка, по словамъ Евсевія, „принадлежатъ: Бериллъ, епископъ аравійской Бостры, также Ипполитъ, предстоятель *какой-то* другой церкви“...¹⁾). Есть у Евсевія еще упоминаніе объ Ипполитѣ въ главѣ, содержащей перечень сочиненій св. Ипполита²⁾, но здѣсь онъ просто называется Ипполитомъ, и къ имени его не прибавлено другаго слова, могущаго служить опредѣленіемъ его іерархическаго достоинства и мѣста его служенія. Неопредѣленное свидѣтельство Евсевія повторяетъ и блаж. Іеронимъ, который въ своей книгѣ о *знаменитыхъ мужахъ* главу³⁾ о сочиненіяхъ нашего отца начинаетъ такъ: „Ипполитъ, епископъ *какой-то* церкви (ибо имя города, въ которомъ онъ былъ епископомъ, я не могъ узнать“)...

На томъ основаніи, что Евсевій и въ особенности Іеронимъ, хорошо знакомый съ римскими дѣлами, не знаютъ города, гдѣ епископствоваъ св. Ипполитъ, нѣкоторые при-

¹⁾ Церк. Ист. Евс. кн. VII, гл. 20.

²⁾ Ц. Ист. VII, 22

³⁾ Книга о знаменитыхъ мужахъ, LXI.

ходили къ мысли, что Ипполитъ не могъ быть епископомъ такого виднаго и славнаго города, каковымъ былъ Римъ, столица всего Запада и гдѣ была первенствующая наедрѣ западной церкви, и выражали догадку, что онъ долженъ былъ епископствовать гдѣ либо на Востоцѣ и въ городѣ мало извѣстномъ. Къ тому же въ одномъ сочиненіи о двухъ естествахъ въ I. Христѣ, написанномъ, по однимъ, папою Геласіемъ, а по другимъ, Геласіемъ Кизическимъ (въ V вѣкѣ), приведено мѣсто изъ сочиненія Ипполита, и Ипполитъ названъ при этомъ епископомъ и даже митрополитомъ арабскимъ¹⁾. И вогу ухватились за свидѣтельство, найденное въ этомъ сочиненіи, и стали въ Аравіи искать мѣста служенія св. Ипполита. Этому благоприятствовало и то, хотя совершенно случайное, обстоятельство, что у Евсевія Ипполитъ поставленъ рядомъ съ Верилломъ, епископомъ Востры арабской.

Мнѣніе о служеніи Ипполита на Востоцѣ, и въ частности въ Аравіи съ особенною силою и настойчивостію высказывалъ въ исходѣ XVII столѣтія французско-голландскій ученый Де Муанъ²⁾. Онъ утверждаетъ, что Ипполитъ былъ родомъ арабъ, что его родина — одно село Вострской епархіи въ Каменистой Аравіи, что онъ долго жилъ въ Вострѣ, бывшей метрополіею Аравіи, и что епископствовалъ онъ въ Счастливой Аравіи въ Портѣ римскомъ, который, основывалъ на словахъ Филосторія³⁾, онъ полагалъ у оеовна, тамъ, гдѣ нынѣшній Адель. Мнѣніе Де Муана, высказанное съ твердостію и рѣшительностію, увлекло многихъ, и его принимали и защищали лучшіе знатоки и изслѣдователи церковной исторіи и литературы конца XVII и первой половины XVIII в. — Каве⁴⁾, Сваргеймъ⁵⁾, Веспажъ⁶⁾, Казинъ

¹⁾ Bibl. Maxima p. 11. t. VIII. p. 701

²⁾ Prolegomena ad varia sacra, ed. Lugduni Batavorum ann. 1725

³⁾ Lib. III. Ecclesiasticae historiae c. 4.

⁴⁾ Scriptorum ecclesiasticorum Hist. litter. t. II, p. 102.

⁵⁾ Epitome isagogica ad historiam eccles., p. 151, t. I. ed. Lugdun. Bat. 1679.

⁶⁾ Annal. politico eccles., ad ann. 222, t. II. p. 205.

міръ Удивъ ¹⁾ и Дю-пенъ ²⁾, Ассеманъ ³⁾. Считали это мнѣніе правдоподобнымъ и удобопріемлемымъ Тиллемонъ ⁴⁾, Селлеъ ⁵⁾ и Болландисты ⁶⁾. Въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія рѣдѣли защитники этого мнѣнія, и оно почти совсѣмъ замерло, но и въ настоящемъ столѣтіи находились люди, старавшіеся оживить и поддерживать его, каковъ былъ на примѣръ Генелль ⁷⁾.

Не менѣе горячихъ и усердныхъ защитниковъ находило другое мнѣніе, по которому св. Ипполитъ былъ епископомъ Порта римскаго, находящагося не гдѣ либо въ Аравіи, а въ Италіи, вблизи Рима, при устьѣ Тибра. Основанія для этого мнѣнія находили въ томъ, что у многихъ древнихъ историческихъ писателей онъ называется епископомъ портуенскимъ или, точиѣе, прямо епископомъ Порта близъ Рима. Такъ онъ названъ прежде всего въ пасхальной или александрійской хроникѣ, доведенной до 628 года, отъ имени александрійскаго епископа Петра (скончавшагося мученически около 311 года), извлеченіе изъ сочиненія котораго читается въ этой хроникѣ, хотя это названіе, можетъ быть, приложилъ къ Ипполиту не самъ Петръ, а позднѣйшій авторъ хроники, каковымъ считаютъ монаха Студійскаго монастыря, жившаго въ VII вѣкѣ. Далѣе, епископомъ Порта у Рима или близъ Рима онъ называется у Анастасія, римскаго пресвитера (VII вѣкѣ), бывшаго апокрисиаріемъ римскаго престола въ Константинополѣ, въ письмѣ къ Феодосію, пресвятеру Гангрскому, и въ заглавіи, приписаннаго Ипполиту, сочиненія противъ Верона и Гелика, изъ котораго Анастасій привелъ нѣсколько отрывковъ ⁸⁾, у Георгія Сии-

¹⁾ Comment. de script. eccles. t. I. pag. 222.

²⁾ Biblioth. auctor. t. I, pag. 179.

³⁾ Biblioth. Orient. t. III, Clementino-Vaticanae part. I, c. 7. p. 15.

⁴⁾ Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique, t III, p. 239 et 672.

⁵⁾ Hist. generale des auteurs sacrs et eccles. t. II. c. 27, p. 317.

⁶⁾ Acta sanct. t. IV. Aug. p. 510.

⁷⁾ Häucll, Commentatio historico-crit. de Hippolyto. 1838.

⁸⁾ Jacobi Sirmondi operum t. III, pag. 376, ed. Venetae. 1728 P. c.

келла ¹⁾ (VIII), Никифора константинопольскаго ²⁾ (IX в.), Іоанна Зонары (XII в. ³⁾) и Никифора Каллиста ⁴⁾). Сюда, на Западъ, и въ частности на страну, лежащую близъ Рима, какъ на мѣсто служенія св. Иполита, указывали разныя преданія, существовавшія и хранимыя между жителями Італіи. Здѣсь, въ Портѣ съ давнихъ поръ была базилика св. Иполита, и эта базилика была предметомъ особенной заботливости и почтенія папъ Льва III и Льва IV, которые старались въ VIII и IX вѣкахъ возстановить и украсить ее. Недалеко отъ Рима на полѣ Веравовомъ, на старомъ церковномъ дворѣ, въ 1551 году найденъ мраморный памятникъ св. Иполита, на которомъ святой отецъ представляется сидящимъ на каедрѣ; по бокамъ этой статуи начертаны пасхальныи циклы св. Иполита, а кромѣ того заглавія нѣкоторыхъ, написанныхъ имъ, сочиненій. Само собою понятно, что этотъ памятникъ не явился бы въ окрестностяхъ Рима, если бы отецъ, которому онъ посвященъ и котораго представляетъ, жилъ и дѣйствовалъ гдѣ либо вдали отъ Рима, въ какомъ либо восточномъ или въ частности аравійскомъ городѣ. Когда ново-европейская церковно-историческая наука, при своемъ возникновеніи, стала собирать и обсуждать старыя преданія, и когда открылась надобность изъ многихъ разпорѣчивыхъ показаній о св. Иполитѣ указать наиболее достовѣрное, первоначально остановились на томъ, что Иполитъ епископствовалъ въ Портѣ, близъ Рима. Извѣстный Бароній ⁵⁾ своимъ авторитетомъ придавъ вѣсь и значеніе этому мѣнью, и его держались до тѣхъ поръ, пока Ле Муанъ не обратилъ вниманія ученыхъ на Портъ римскій въ Аравіи, и не побудилъ другихъ тамъ искать каедръ св. Иполита. Но съ половины прошлаго столѣтія, когда перестали увлекаться догад-

¹⁾ Chronographia, ad annum 215.

²⁾ Chron. pag. 308.

³⁾ Annal. t. I, p. 626, ed. Par. P. e. c. T. X, col. 579—80.

⁴⁾ Hist. ecclies. nb. IV, c. 31. P. e. c. T. X, col. 579—92.

⁵⁾ Annal. ecclesiast. ad annum Chr 229, n. 9. t. II.

кою Де Муана, выдававшюся за весомибиную истину, спова возвратились къ прежнему мнѣнію, и старались тверже поставить его, и въ этихъ видахъ разбирали основанія тѣхъ, которые въ Аравіи находили каедрю св. Ипполита, и показывали шаткость и несостоятельность тѣхъ основаній. Наиболье замѣчательнымъ сочиненіемъ, давшимъ рѣшительный поворотъ мнѣніямъ о мѣстѣ каедры св. Ипполита въ пользу Порга близъ Рима, было разсужденіе о Портуенской каедрѣ св. Ипполита (*Dissertatio de Portuensi s. Hippolyti sede* ¹⁾) Кокставтина Руджери. Оно писано было по порученію кардинала Оттобона, епископа портуенскаго, желавшаго возстановитъ память святаго отца, котораго онъ считалъ своимъ предшественникомъ, и писано еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, но въ первый разъ издаво уже послѣ смерти автора въ 1771 году. Въ подтвержденіе мнѣнія, защищаемаго Руджери, Симопъ де Магнстрисъ (въ 1795 г.) издалъ мученическіе акты Хрисіи дѣвицы и другихъ мучениковъ, воспоминаемыхъ Церковью 30 января, пострадавшихъ вмѣстѣ съ Ипполитомъ въ Остіи, и при изданіи этихъ актовъ помѣтилъ особое *разсужденіе о жизни и писаніяхъ Ипполита мученика, епископа Портуенскаго* (*Dissertatio de vita et scriptis Hippolyti Martyris, Episcopi Portuensis*). По его показанію, Ипполитъ былъ епископомъ не одного Порга, по имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи значительную часть Рима, который будто въ то время раздѣленъ былъ на два епископскіе округа, часть къ востоку отъ Тибра была подъ управленіемъ собственно римскаго епископа, а лежащая къ западу отъ Тибра принадлежала епископу Портуенскому. Послѣ трудовъ Руджери и де Магнстриса мнѣніе объ епископствѣ Ипполита въ Поргѣ, недалеко отъ Рима, было, если не общепринятымъ, то преобладающимъ. Его держались почти все, которымъ случалось упоминаеть и писать о

¹⁾ Начальная часть въ X t. *Curs. compl. Patrologiae graecae*, col. 393-316.

св. Ипполитъ, отъ конца прошлаго и до пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія. Оно принято и у Минье, при изданіи твореній Ипполита въ X томѣ Patrologiae graecae (1857 г.), гдѣ оны не только названъ епископомъ Портуенскимъ, но для освѣщенія его исторіи, предъ самыми твореніями Ипполита, помѣщены два обширныя изслѣдованія о немъ, благопріятствующія мнѣнію о его епископствѣ въ Портѣ близъ Рима,—одно о жизни и писаніяхъ св. Ипполита Готфрида Лумпера (1791), другое, упомянутое уже нами разсужденіе Руджери о портуенской кафедрѣ св. Ипполита. Между новыми изслѣдованіями, принадлежащими къ категоріи защищающихъ мнѣіе о епископствѣ Ипполита въ Портѣ близъ Рима, особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Буизена „Ипполитъ и его время“ (Ippolytus und seine Zeit). Оно явилось сначала на англійскомъ языкѣ въ 1851 году, а потомъ въ 1852 году въ нѣмецкомъ перелодѣ, при возбужденіи вниманія къ Ипполиту между учеными послѣ обнародованія вновь найденнаго сочиненія его, извѣстнаго подъ именемъ „*Philosophumena, или опроверженіе всѣхъ ересей*“, и замѣчательно не только рьяною защитою нами указываемаго мнѣнія, но и оригинальнымъ, своеобразнымъ отѣисвіемъ его. Пользуясь данными, заключающимися въ Философуменахъ, Буизень старается освѣтити Ипполита, автора этихъ Философуменовъ, болѣе, чѣмъ какъ сдѣлаво было раньше его. По представленію Буизена¹⁾, Ипполитъ не только былъ римлянинъ и епископъ римской претаии или Порты, напротивъ Остія, но и непосредственный и вліятельный членъ духовенства города Рима. По званію епископа портуенскаго Ипполитъ входилъ въ составъ высшаго церковнаго правительственнаго учрежденія въ Римѣ, — римской пресвитеріи, и какъ членъ этой пресвитеріи, будучи епископомъ, могъ называться и пресвитеромъ. Вмѣстѣ съ епископомъ Порты, и другіе подгородныя епископы входили въ составъ этой

¹⁾ Ippol. und seine Zeit. Erster Band. Funfter Brief, s. 102—3.

пресвитеріи. Отношеніе ихъ къ римскому епископу было такое же, какое викариые епископы или епископы суффраганы имѣють къ главному первосвятителю епархіи. Чтобы сдѣлать болѣе правдоподобнымъ это свое представленіе, Буизенъ указываетъ на позднѣйшее римское учрежденіе, явившееся въ XI вѣкѣ, и напоминающее собою изобрѣтенную имъ пресвитерію и какъ бы выродившееся изъ нея, по которому семь подгородныхъ епископовъ поставлены прямыми помощниками папы, какъ *Cardinales Episcopi*; позднѣйшій конклавъ кардиналовъ есть какъ бы новое изданіе того, что въ другомъ видѣ было въ третьемъ вѣкѣ. Въ римской пресвитеріи Ипполитъ, при напахъ Зефиринъ и Каллистъ, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и ревностныхъ членовъ, и онъ стоялъ во главѣ партіи, противной партіи самаго римскаго епископа. Въ чемъ состояло разногласіе Ипполита съ господствовавшею въ Римѣ партіею, объ этомъ мы будемъ говорить послѣ, когда будемъ характеризовать дѣятельность самаго Ипполита, по указанію историческихъ данныхъ.

Еще было третіе мнѣніе касательно епископства и мѣстопребыванія Ипполита. Принимая во вниманіе, что у достовѣрнѣйшихъ древнихъ историковъ не указывается городъ, гдѣ епископствовалъ св. Ипполитъ, и что у другихъ позднѣйшихъ писателей встрѣчаются разрывчивыя показанія касательно мѣста его святительской кathedры, принимая во вниманіе еще и то, что по свидѣтельствамъ историческихъ документовъ, Ипполитъ является во время своей жизни въ разныхъ мѣстахъ христіанской церкви, то на Западѣ, то на Востокѣ, то въ Римѣ, то въ Александри, то въ Сири, то въ Аравіи, иные находили справедливымъ полагать, что Ипполитъ не имѣлъ никакой опредѣленной кathedры, а былъ просто епископомъ языковъ. По званію епископа языковъ, Ипполитъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, а долженъ былъ проходить изъ конца въ конецъ тогдашній міръ, пронося всюду слово вѣры, утверждая на

вообращенныхъ язычниковъ въ христіанскомъ исповѣданіи и ратуя противъ тѣхъ, которые не принимали слова истины или превратно толковали его. Такое мнѣніе высказано было авторами „Литературной исторіи Франціи“¹⁾ и принято было нѣкоторыми другими. Привышіе это мнѣніе хотѣли избѣжать разныхъ затрудненій, встрѣчающихся при объясненіи исторіи Ипполита, но избѣгая однихъ затрудненій, они впадали въ другія. Мнѣніе ихъ не имѣло подъ собою твердой почвы. Въ древней Церкви не было епископовъ безъ опредѣленной кафедры. Указывали на современника Ипполита, Кая, который будто, подобно Ипполиту, былъ епископомъ языковъ. Но Кай не былъ епископомъ; предположеніе о его епископствѣ высказано было единственно на основаніи весьма неяснаго и, какъ полагають, искаженнаго свидѣтельства Фотія²⁾.

Епископомъ римскимъ, какимъ мы назвали св. Ипполита въ заглавіи нашей статьи, въ древнихъ документахъ онъ называется чаще, чѣмъ епископомъ португенскимъ. Кромѣ греческихъ мѣсяцеслововъ, такое названіе прилагается къ его имени въ древнихъ греческихъ рукописяхъ, содержащихъ его творенія или отрывки изъ его сочиненій, когда при этомъ дѣлается ближайшее опредѣленіе имени автора³⁾. Римскимъ епископомъ называютъ его Евстратій, пресвитеръ константинопольскій VI вѣка⁴⁾, Леонтій Византійскій, жившій въ началѣ VII вѣка⁵⁾, Анастасій Синаитъ⁶⁾, Германъ Констан-

¹⁾ Hist. littéraire de la France. T. I. part. 1, pag. 363.

²⁾ Biblioth. c. XLVIII.

³⁾ Döllinger, Hippolytus und Callistus. 1853. s. 33.

⁴⁾ Въ книгѣ противъ есихонавнхитовъ. (См. Allatii De utriusque Ecclesiae, Occidentalis atque Orientalis perpetua in dogmatibus purgatorio conversatione, pag. 492, § 19).

⁵⁾ Леонтій византійскій (въ сочиненіи de sectis, lect. III, pag. 430), перечисляя учителей и отцовъ, ставившихся въ періодъ отъ Рождества Христова до Константина, называетъ Игнатія Богоносца, Иринея, Іустина философа, Климента и *Ипполита, епископовъ римскихъ*, Діонисія Ареопагита, Меодія Патарскаго епископа, Григорія Чудотворца, Петра александрійскаго епископа и мученика. Patr. c. compl. t. X, col. 575—6.

⁶⁾ Ὁδύτης. Patr. c. compl. t. LXXXIX, col. 301.

тинопольскій, жившій въ началѣ VIII вѣка ¹⁾, Иоаннъ Дамаскинъ ²⁾, впоследствии Теофилакть ³⁾ и Кедринъ ⁴⁾. Къ Риму, какъ мѣсту дѣяствія и служенія Ипполита, могли привлечь вниманіе ученыхъ и его сочиненія, во многихъ мѣстахъ замѣтнымъ образомъ имѣющія ближайшее отношеніе къ дѣламъ римской церкви. Между тѣмъ въ новоевропейской наукѣ это мнѣніе до послѣдняго времени не находило себѣ защитниковъ и приверженцевъ. Песторія писателя III вѣка св. Ипполита разъяснилась послѣ открытія, въ половинѣ настоящаго столѣтія, его сочиненія, извѣстнаго подъ именемъ *Философумента*, или *опроверженіе всѣхъ ересей*, (*Φιλοσοφύμενα ἢ κατὰ παλῶν αίρεσῶν ἐλεγχοίς*), и первый изъ ученыхъ, возстановившій древнее названіе Ипполита епископомъ римскимъ, и давшій перевѣсъ мнѣнію о римскомъ епископствѣ Ипполита предъ другими, прежде господствовавшими, мнѣніями по этому вопросу, былъ Деллингеръ, глава старокатоликовъ въ Германіи. Его сочиненіе *Ипполитъ и Каллистъ или римская церковь въ первой половинѣ III столѣтія* (*Hippolytus und Callistus oder die Römische Kirche in der ersten Hälfte des dritten Jahrhunderts*) явившееся въ 1853 году, знаменуетъ собою поворотную точку въ движеніи вопроса объ Ипполитѣ къ тому результату, на которомъ нынѣ остановилась наука.

Философументъ прежде извѣстна была одна (первая) книга, и она обыкновенно помещалась между сочиненіями Оргена. Но въ 1842 году грекъ Мивонда Мива, посланный Вильменемъ, министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи при Людовикѣ Филиппѣ, для обозрѣнія восточныхъ библіотекъ, вывезъ изъ Афона между прочимъ рукописный

¹⁾ *Μεταβίη Θεωρ'α. Actus. Ducian. II, pag 148 P. c. c. t. 1. col. 575 - 6. Veterum testimonia de s. Hipp. episc. et martyre.*

²⁾ *Sacr. Parall. t. II, pag 581, e. l. Lequin P. c. c. t. X, c. 575 - 6.*

³⁾ *In Matth. Oper. in pag 586*

⁴⁾ *Cedr. n. t. 131*

кодексъ XIV вѣка (на бомбацинѣ), содержащій въ себѣ значительную часть сочиненій, озаглавленнаго „*Philosophumensium или Обличеніе всѣхъ ересей*“. Имени автора этого сочиненія не было указано въ рукописи. Найденное сочиненіе (какъ извѣщали о немъ скоро послѣ открытія) раздѣлено на десять книгъ, но первыхъ трехъ недостаетъ въ рукописи, равно какъ и конца. Сначала не обратили вниманія на этотъ кодексъ. Но его оцѣнили и возбудили вниманіе къ нему ученый парижскій бібліотекаръ Еммануэль Миллеръ. Онъ предложилъ Оксфордской университетской типографіи напечатать это древнее, считавшееся прежде потеряннымъ, сочиненіе, которое онъ приписывалъ Оригену, и въ 1851 году оно въ первый разъ напечатано въ Оксфордѣ съ именемъ Оригена. Съ именемъ Оригена оно напечатано и у Минье въ XVI томѣ его извѣстнаго изданія отеческихъ твореній (*Cursus completus Patrologiae*, 1863 г.). Послѣ изданія этого сочиненія, оно возбудило большое вниманіе къ себѣ, начались споры объ его авторѣ, приписывали его то Оригену, то Каю римскому пресвитеру, то Тертуліану, и наконецъ Ипполиту. Последнее мнѣніе оказалось наиболѣе достовернымъ. Его высказал и утвердилъ, съ перваго же появленія въ печати *Philosophumensium*, берлинскій профессоръ Якоби, геттингенскій Дувверъ и Бунзенъ, и потомъ оно, съ усиленіемъ дѣла, вошло въ общее убѣжденіе. Второе изданіе новооткрытаго сочиненія, сдѣланное Дувверомъ въ Геттингенѣ въ 1859 году, уже вышло съ именемъ Ипполита.

Для исторіи св. Ипполита это сочиненіе важно потому, что въ 9 й книгѣ¹⁾ его, при изображеніи ереси Новаго, есть указанія, относящіяся къ біографіи его автора. По этимъ указаніямъ, авторъ *Philosophumensium*, въ которомъ видѣть св. Ипполита, жилъ и дѣйствовалъ въ Римѣ при папахъ Зефиріиѣ

¹⁾ Pat. c. c. T. XVI. Contra haereses l. IX c. 11- 12, col. 337- 338.

и Каллистъ въ первой половинѣ III вѣка. Онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ новѣтнскихъ или патрипассіанскихъ спорахъ, волновавшихъ тогда римскую церковь. Во главѣ патрипассіанской партіи стоялъ въ Римѣ въ то время сначала Клеомень, а потомъ Савеллій. Послѣдній долгое время колебался пристать къ Клеомену, между прочимъ отъ того, что Ипполитъ представлялъ ему несостоятельность ученія Ноэта, но послѣ долгихъ колебаній рѣшительно сталъ на сторонѣ этого лжеученія, занесеннаго въ Римъ изъ Азіи. (Поэтъ былъ родомъ изъ Смирны) Лжеученіе Ноэта распространилось въ Римѣ въ тѣ годы, когда жилъ тамъ Ипполитъ, потому что ему покровительствовалъ Каллистъ, още въ санѣ діакона или пресвитера заправлявшій теченіемъ дѣлъ въ римской церкви при епископѣ Зефиринѣ, человекѣ простомъ и неученомъ, по изображенію Ипполита, не умѣвшему различать всѣхъ тонкостей церковныхъ опредѣленій, котораго хитрый Каллистъ приводилъ, къ чему хотѣлъ. Подъ его вліяніемъ, Зефиринъ иногда явно высказывалъ ученіе совершенно не православное. Считаая этого Каллиста главнымъ виновникомъ успѣха ноэтiанской ереси въ Римѣ, онъ видѣлъ въ немъ своего врага, и врага той партіи, которая не хотѣла имѣть ничего общаго съ савелліанами, и въ своей книгѣ изображаетъ его самыми темными красками. Когда Ипполитъ увидѣлъ успѣхъ ереси въ римскомъ христіанскомъ обществѣ, при покровительственномъ отношеніи Каллиста къ ея защитникамъ и послѣдователямъ, онъ смѣло выступилъ на борьбу за истину и рѣзко обличилъ Каллиста и другихъ за ихъ заблужденія. Тѣ, конечно, съ своей стороны старались защищать себя и показывать неправоту сужденій и его сторонниковъ. Но свидѣтельству Ипполита, Каллистъ предъ народомъ публично называлъ его и его приверженцевъ двубожниками ¹⁾ за то, что они видѣли ересь въ ученіи людей, сливавшихъ Сына со Отцемъ. Кромѣ догматическаго

¹⁾ Р. с. с. т. XVI. Contr. haer. t. IX c. 12. col. 33*3—4.

пункта. Ипполитъ указываетъ¹⁾ другой пунктъ, по которому онъ расходился съ Каллистомъ и его сообщниками, пунктъ нравственно-дисциплинарный. Ипполиту не нравились тѣ поблажки и послабленія, какія дѣлали Каллисть и его школа людямъ, тяготавшимся строгостями христіанской жизни. Противодѣйствіе Ипполита Каллисту началось еще при Зефиринѣ, и оно еще болѣе усилилось, когда Каллисть, послѣ смерти Зефирина, явился его преемникомъ. Дѣло дошло до того, что римское христіанское общество раздѣлилось на двѣ части: одна, болѣе строгая и въ догматическомъ и въ нравственномъ отношеніи, имѣла своимъ главою Ипполита, а другая, болѣе снисходительно относившаяся и къ заблужденію и къ нравственнымъ погрѣшностямъ христіанъ, держалась Каллиста. Каллисть, послѣ смерти Зефирина, отлучилъ Савеліи отъ церкви. Но Ипполитъ въ этомъ случаѣ не вѣритъ искренности своего противника. По замѣчанію Ипполита, онъ не потому это сдѣлалъ, чтобы увидѣть его заблужденіе, а потому, что боялся его—Ипполита и надѣялся чрезъ это загладить свое преступленіе предъ церковію. У Ипполита представляется, что Каллисть устроилъ особую школу, (*ἐκκλησίαν*), стоявшую въ противодѣйствіи съ церковію. Эта школа, какъ видно изъ характеристики ея, сдѣланной Ипполитомъ, не какое либо учрежденіе ученаго или учебнаго характера, а цѣлое общество, держащееся извѣстныхъ началъ: членовъ этого общества называли каллистіанами. Благодаря той снисходительности, какою отличались его требованія, оно было довольно значительно по своему составу, и въ немъ членовъ, можетъ быть, было болѣе, чѣмъ въ общинѣ Ипполита, державшейся болѣе строгихъ началъ и не терпѣвшей у себя людей, сомнительнаго образа мысли и слабой нравственности. Изъ того, что Ипполитъ противопоза-

¹⁾ Ibidem, col. 338E—E.

гаеть церковь обществу или школѣ Каллиста, видно, что онъ и его приверженцы прервали всякое общеніе съ Каллистіанами, и такимъ образомъ въ вѣкъ Каллиста въ римской церкви произошло раздвоеніе. И вотч, при этомъ раздвоеніи, часть римскаго общества, отличавшаяся болѣе строгимъ нравственнымъ духомъ, считавшая Каллиста и его школу зараженными ересью, отдѣлилась отъ него и не захотѣла признавать его своимъ епископомъ. Своимъ главою и епископомъ она избрала своего руководителя Ипполита, и онъ, полный ревности по чистотѣ христіанскаго исповѣданія и желанія поддержать святость жизни церковной, какая блюлась первенствующими христіанами, принявъ это избраніе, и въ одно время Ипполитъ и Каллисть епископствовали въ Римѣ, каждый имѣя подъ своимъ архипастырскимъ управленіемъ часть раздѣлившагося общества.

Въ *Философическаго* нѣтъ прямого указанія на то, что авторъ нхъ былъ епископомъ римскимъ. Изъ замѣчаній, касающихся его дѣятельности, находящихся въ этомъ сочиненіи, видно только, что Ипполитъ жилъ въ Римѣ и занималъ видное положеніе въ римской церкви. Находили возможнымъ эти историческія свидѣтельства автора о самомъ себѣ соединять съ господствовавшимъ прежде мнѣніемъ объ епископствѣ Ипполита въ Пертѣ близъ Рима, какъ это показываютъ уже упомянутое нами сочиненіе Буизена и сочиненіе его соотечественника Вордсворта, каноника вестминстерскаго, *объ Ипполитѣ и римской церкви въ первой четверти третьяго столѣтія*, вышедшее въ 1853 году. Но непосредственное участіе св. Ипполита въ дѣлахъ римской церкви до того видно изъ *Философическаго*, что Буизень, какъ мы видѣли, предполагалъ и доказываетъ какъ несомнѣнную истину, что Ипполитъ въ качествѣ епископа Перта былъ членомъ римской пресвитеріи, высшаго административнаго церковнаго учрежденія, бывшаго при римскомъ епископѣ, и какъ членъ этой пресвитеріи былъ главою оппозиціонной партіи, расходившейся съ Каллистомъ. Делъ

лингеръ первый съ рѣшительностію и силою возсталъ противъ этихъ предположеній и въ своемъ сочиненіи объ Иполитѣ и Каллиствѣ подвергъ строгой критикѣ сочиненія Буизена и Вордстворга и доказывалъ, что въ Портѣ до 313 года не было епископовъ, и что предположеніе Иполита о какой-то правительственной церковной пресвитеріи не имѣеть никакихъ твердыхъ основаній, и что Иполитъ, будучи епископомъ Порта, не могъ въ тоже самое время быть пресвитеромъ римской церкви и т. под. Онъ твердо держится того, что Иполитъ былъ римскимъ епископомъ. Но такъ какъ въ то время цѣлая и, можетъ быть, большая половина римскихъ христіанъ признавали своимъ епископомъ Каллиста, то Иполитъ является епископомъ, признаваемымъ за такового только частью римской церкви, или, какъ позднѣе назывались римскіе епископы, одновременно являшіеся на западѣ, антипапою. Иполитъ общество, которое его держалось, считалъ истинною православною церковію, а партію, державшуюся Каллиста, школою или партіею еретическою, отдѣлившеюся отъ церкви, и себя, а не Каллиста считалъ настоящимъ римскимъ епископомъ. Какъ епископъ строгой половины римскаго христіанскаго общества, не желавшій имѣть общенія съ другою половиною, казавшеюся той уклонившеюся отъ истины и чистоты христіанской жизни, онъ подвергалъ отлученію лицъ, казавшихся ему слабыми и подозрительными. Намъ кажется, Иполитъ указываетъ на себя, какъ на епископа церкви, охраняющаго ея чистоту, когда говоритъ въ *Philosophumenaхъ*, противопоставляя свою церковь школѣ Каллиста: „нѣкоторые, отлученные нами отъ церкви, перемедши къ нимъ, наполнили его школу“¹⁾.

Послѣ изслѣдованія Делангера, прежде забытое мнѣніе о римскомъ епископствѣ Иполита получило надлежа-

¹⁾ P. e c t XVI. col. 3386.

щее освѣщеніе, и оно получило такую степень достовѣрности, какой прежде не имѣло. Въ ученой литературѣ всѣ другія предположенія о личности и мѣстѣ служенія св. Ипполита, если не исчезли совершенно, то отодвинуты на задній планъ. При этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, сказалась правда преданія восточной церкви, всегда признававшей Ипполита римскимъ епископомъ. Послѣ долгихъ блужданій ученая мысль должна была возвратиться къ тому, что говорила восточная церковь въ своихъ мѣсяцесловахъ и церковныхъ богослужебныхъ книгахъ.

Въ русской литературѣ мнѣніе Деллингера о римскомъ епископствѣ Ипполита принято и развито съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и дополненіями въ сочиненіи протоіерея Иванцова-Платонова *„Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“* (Москва, 1877 г.). Обзорывая источники для исторіи древнихъ сектъ, о. Иванцовъ-Платоновъ подвергъ подробному и весьма обстоятельному изслѣдованію вопросъ о личности и историческомъ значеніи св. Ипполита, какъ одного изъ главныхъ ересеологовъ III вѣка. Привинявъ въ основаніе мнѣніе Деллингера, полагая вмѣстѣ съ нимъ, что св. Ипполитъ былъ римскимъ епископомъ одновременно съ Каллистомъ вслѣдствіе возникшаго въ Римѣ раскола или распаденія римскаго христіанскаго общества на двѣ враждебныя стороны, прервавшія церковное общеніе между собою, нашъ ученый изслѣдователь расходится съ Деллингеромъ въ частномъ объясненіи такого явленія, какимъ было совмѣстное существованіе двухъ епископовъ въ одной церкви. Сочувствіе Деллингера, при объясненіи этого явленія, на сторонѣ Каллиста, котораго онъ представляетъ не такимъ, какимъ являлся Ипполитъ своего противника въ Философуменахъ, а лицомъ высоко-нравственнымъ, замѣчательнымъ церковнымъ правителемъ и твердымъ богословомъ. Къ Ипполиту же, какъ противнику возвышаемаго имъ Каллиста, онъ относится съ осужденіемъ, представляя его суровымъ и упрямымъ ригористомъ, и стараясь указать

въ немъ уклоненія отъ чистоты православія въ толкованіи того догмата, которымъ болѣе всего занималась его мысль. Випу раскола, происшедшаго въ то время въ римской церкви, онъ возлагаетъ на Ипполита, и у него не Каллисть образовалъ школу, выдѣлившуюся изъ церкви, а Ипполитъ вызвалъ отлученіе отъ церкви себя и своихъ единомышленниковъ. О. Иванцовъ-Платоновъ ищетъ правды въ золотой серединѣ: онъ старается выгородить изъ обвиненія того и другаго историческаго дѣятеля, и примирить противорѣчивыя сужденія объ Ипполитѣ и Каллиствѣ, какъ представителей двухъ партій, порвавшихъ общеніе между собою. И тотъ и другой, какъ желаетъ представить о. Иванцовъ-Платоновъ, вполнѣ достойные люди, съ добрыми цѣлями дѣйствовавшіе въ церкви, и имя обоихъ въ исторіи должно быть окружено уваженіемъ. Только они были разныхъ характеровъ и направленій, и отсюда произошелъ раздоръ между ними и расколъ въ римскомъ обществѣ, для котораго въ существѣ дѣла не было достаточныхъ основаній: Ипполитъ былъ аскетъ, а Каллиствъ человѣкъ жизни, человѣкъ практическій. Партія, во главѣ которой стоялъ Ипполитъ, заботилась о поддержаніи въ церкви высшихъ нравственныхъ и дисциплинарныхъ требованій во всей ихъ чистотѣ и цѣлости, а партія Каллиста находила нужнымъ, и не безъ основанія, примѣняться къ обстоятельствамъ времени, и въ виду увеличивающихся соблазновъ въ средѣ христіанскаго общества допускать послабленіе въ требованіяхъ церковной дисциплины, чтобы строгостію этихъ требованій не разогнать христіанскаго общества. Не было между ними, по представленію о. Иванцова, и въ догматическомъ отношеніи существеннаго разногласія, которое бы давало право одному изъ нихъ обвинять другаго въ уклоненіи отъ православія. Но разошлись они потому, что „Ипполитъ, какъ болѣе глубокой богословъ, старался дать научное развитіе христіанскому догмату, и какъ человѣкъ во всемъ точный и строгій, придавалъ большое значеніе точности и строгости

СВЯТЫЙ ИПОЛИТЪ ЕПИСКОПЪ РИМСКІЙ.

вышнихъ формулъ, въ какихъ догматы должны быть выражены..., а Каллистъ, какъ человѣкъ практическій, вѣроятно придавалъ и менѣе значенія догматической сторонѣ христіанства, и довольствуясь общими выраженіями основныхъ христіанскихъ вѣрованій, не такъ внимательно и строго относился къ различенію частныхъ формулъ такого и другого пункта богословскаго воззрѣнія, и какъ человѣкъ болѣе мягкій и снисходительный, скорѣе склоненъ былъ на общеніе и съ такими богословскими партіями, православіе которыхъ для болѣе строгихъ богослововъ могло представляться сомнительнымъ⁴⁾. Въ желаніи свята всякую тѣнь осужденія и съ историческихъ лицъ, враждовавшихъ между собою, о. Иванцовъ не находить ничего неканоническаго въ томъ, что въ одномъ городѣ въ одно и тоже время было два епископа. По его объясненію, это можетъ показаться *не совсемъ правильнымъ* съ позднѣйшей канонической точки зрѣнія. А въ то время, когда жилъ Ипполитъ, понятіе о единствѣ церковномъ, въ смыслѣ единства и вышняго епископскаго управленія, едва ли такъ строго держалось въ христіанскомъ сознаніи, какъ это установилось послѣ св. Кипріана и волненій новаціанскихъ⁵⁾. Кромѣ этого, о. Иванцовъ ведетъ исторію Ипполита далѣе, чѣмъ Деллингеръ. Деллингеръ полагаетъ, что расколъ римскій и дѣятельность Ипполита кончилась въ 235 году, когда Ипполитъ вмѣстѣ съ преемникомъ Каллиста Понтіаномъ сосланъ былъ въ Сардинію за смуты, производимыя въ Римѣ этими представителями двухъ враждующихъ партій, и тамъ оба они, по всей вѣроятности, должны были умереть; такъ какъ изъ Сардиніи ссыльные рѣдко возвращались живыми. По предположенію о. Иванцова, Ипполитъ могъ возвратиться изъ ссылки, и послѣ возвращенія изъ ссылки могъ начать новый родъ его дѣятельности. Только эта дѣятельность

⁴⁾ Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, стр. 106—9.

⁵⁾ Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, стр. 110—12.

продолжалась не въ Римѣ, гдѣ партія его, съ его ссылкой, ослабѣла или совсѣмъ разсыпалась, а въ другихъ мѣстахъ. Встрѣчая въ историческихъ документахъ нѣкоторые, правда, не очень ясные, слѣды пребыванія Ипполита на Востоцѣ, о. Иваццовъ-Платоновъ предположеніями дополняетъ его исторію послѣ удаленія изъ Рима, и находитъ возможнымъ, что Ипполитъ былъ и, можетъ быть, не одинъ разъ, въ Аравіи, куда въ то время вызывали учителей церкви изъ отдаленнѣйшихъ христіанскихъ странъ, и гдѣ онъ могъ сблизиться съ Оригеномъ, о какомъ сближеніи говорить исторія, находитъ возможнымъ далѣе, что Ипполитъ былъ и въ Сиріи, и въ Египтѣ, и что чрезъ него Діонисій александрійскій во время новаціанскаго волненія отправилъ одно изъ посланій къ римскимъ братіямъ, желая предотвратить разрывъ между римскою церковію, осуждавшею Новаціана, и антиохійскою, епископъ которой Фабій благопріятно относился къ новаціанству, и даже полагаетъ, вмѣстѣ съ Газелеромъ¹⁾, что именно новаціане, на сторонѣ которыхъ былъ Ипполитъ, посылали его склонять восточныя церкви на ихъ сторону, и что, можетъ быть, антиохійскую церковь онъ собственно склонилъ въ пользу новаціанства. Возвратившись въ Римъ съ посланіемъ Діонисія, Ипполитъ могъ оставить свое прежнее, враждебное или только неопредѣленное, отношеніе къ господствующей партіи въ римскомъ христіанскомъ обществѣ, и примириться съ нею, и этому примиренію могъ содѣйствовать Діонисій александрійскій, который при своемъ особенномъ дарѣ всѣхъ убѣждать и примирять не могъ не имѣть вліянія на разумнаго старца, явившагося къ нему представителемъ по дѣлу новаціанства отъ антиохійской церкви. Послѣдніе годы своей жизни, по предположеніямъ о. Иванцова, Ипполитъ

¹⁾ Ueber Hippolitos, die ersten Monarchianer und die Romische Kirche in der ersten Hälfte des dritten Jahrhunderts. Theol. Studien und Kritiken. 1853. 4 Heft.

проводилъ въ пещерѣ близъ Рима въ качествѣ пустынника и занимался обращеніемъ язычниковъ къ христіанству въ царствованіе императора Валеріана и пострадалъ вмѣстѣ съ другими остійскими мучениками въ Порто при Клавдіѣ Готескомъ¹⁾.

Гаданія о жизни и дѣятельности Ипполита, какими о. Иванцовъ старается дополнить и разъяснить его исторію, имѣя въ виду разныя сказанія о немъ, не основываются, какъ онъ и самъ сознается, на твердыхъ данныхъ, и по степени достовѣрности не восходятъ далѣе простыхъ предположеній, но являются далеко нелишними при спутанности разныхъ извѣстій о немъ. Мы не можемъ придавать имъ особеннаго значенія. Несомнѣнно только то, что Ипполитъ былъ дѣятель римской церкви и жилъ въ Римѣ, и мы имѣемъ полное право, соотвѣтственно послѣднимъ выводамъ научныхъ изслѣдованій, считать его представителемъ римской проповѣди III вѣка.

Мы сочли нужнымъ передать сущность наиболѣе важныхъ изслѣдованій, посвященныхъ памяти св. Ипполита, и раскрыть наиболѣе видныя мифыя, какія въ разныя времена высказывались о немъ и его дѣятельности, чтобы по возможности освѣтить темную исторію этого замѣчательнаго историческаго дѣятеля III вѣка. Послѣ тѣхъ разъясненій, какія намъ пришлось дѣлать при обзорѣ ученыхъ трудовъ, вызванныхъ именемъ Ипполита, не многое намъ остается прибавить къ уясненію исторіи и личнаго характера нашего святаго отца.

Не извѣстно происхожденіе св. Ипполита, и неизвѣстна его родина. Нельзя съ рѣшительностію утверждать, былъ ли онъ урожденный римлянинъ, или явился въ Римъ изъ какого либо другаго мѣста. Можетъ быть, онъ былъ и грекъ, по происхожденію, какихъ не мало было въ составѣ римскаго христіанскаго общества того времени. Имя его благо-

¹⁾ Ереси и расколы первыхъ грехъ вѣковъ христіанства, стр. 114—136

пріятствуетъ этому предположенію. Во всякомъ случаѣ его образованіе было несомнѣнно греческое, и на Западѣ онъ распространялъ свѣтъ, заимствованный имъ съ Востока. Фотій¹⁾ называетъ его ученикомъ Принея, и говорятъ, что самъ Ипполитъ въ книгѣ противъ ересей свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ заимствовалъ опроверженіе ихъ изъ бесѣдъ Принея (βιβλίους Πρίναιου). Этотъ ученикъ мужей апостольскихъ былъ представитель малоазійской школы, и, по словамъ Тертуліана, былъ самый пытливый изслѣдователь всѣхъ ученій. Можетъ быть, св. Ипполитъ былъ въ его клирѣ въ молодые годы въ послѣднемъ десятилѣтіи II вѣка и не только изучалъ его сочиненія, но, какъ видимъ изъ его свидѣтельства, непосредственно слышалъ и его устные бесѣды. Но Ипполитъ не довольствовался тѣмъ, что могъ заимствовать отъ Принея. Его любознательность побуждала его знакомиться съ ученіемъ другихъ славныхъ мужей церкви. Въ то время особенную извѣстность пріобрѣтала школа александрійская, и нѣтъ сомнѣнія, что Ипполитъ, и не будучи въ молодые годы въ Александріи, могъ интересоваться тѣмъ, чему и какъ учили знаменитые александрійскіе философы христіанскіе, и по мѣрѣ возможности усвоить себѣ ихъ ученіе. Слѣды знакомства Ипполита съ ученіемъ и методомъ толкованія писанія александрійцевъ видимъ въ его сочиненіяхъ, и на этомъ основаніи иные (Мирей²⁾, Бароній³⁾, Булль⁴⁾) включаютъ его въ число учениковъ Климента александрійскаго. Климента александрійскаго едва ли видѣлъ и слышалъ непосредственно св. Ипполитъ. Но съ его знаменитымъ ученикомъ, главнымъ представителемъ александрійской школы въ III вѣкѣ, Оригеномъ онъ былъ знакомъ, и этотъ великій человѣкъ, производившій на всѣхъ, приходившихъ къ нему въ соотношеніе, обя-

¹⁾ Biblioth., cod. CXXI.

²⁾ Not. ad Hieron. De viris illust.

³⁾ Bar. Annal. eccl. ad ann. 229. num. 1.

⁴⁾ Defens. ad Nicen. see. III, c. 8 p. 299.

тельное впечатлѣніе, хотя оубо, кажется, нѣсколькими годами моложе Ипполита, не могъ не подчинить его болѣе или менѣе вліянію своего сильнаго ума и неисчерпаемой учености. Въ первый разъ Ипполитъ видѣлся и познакомился съ Оригеномъ около 217 года, когда Оригену было тридцать два года, но когда онъ былъ уже знаменитымъ учителемъ. Оригенъ тогда, еще при папѣ Зефиривѣ, отправился въ Римъ, увлечаемый желаніемъ ближе узнать знаменитую церковь римскую. Сошедшись другъ съ другомъ, эти знаменитые учителя христіанскіе III вѣка не прекращали своихъ связей и, можетъ быть, видѣлись потомъ не одинъ разъ, если не въ Римѣ, то въ другихъ мѣстахъ, и дѣлились между собою своими знаніями. Фотій передаетъ дошедшее до него изъ прежнихъ временъ извѣстіе, что Ипполитъ держалъ бесѣды къ народу по подражанію Оригену¹⁾, а Иеронимъ пишетъ, что Ипполитъ говорилъ въ церкви бесѣду, въ присутствіи Оригена, въ похвалу Господа Спасителя²⁾, на что есть-де указаніе въ самой бесѣдѣ.

Ипполитъ не только зналъ Писаніе и сочиненія христіанскихъ отцовъ, прежде него бывшихъ. Онъ былъ учѣнѣйшій мужъ³⁾ вообще, и онъ, выѣстъ съ другими отцами, по свидѣтельству того же Иеронима, наполняетъ свои сочиненія такимъ множествомъ философскихъ доктринъ и мнѣній, что не знаешь, чему нужно больше удивляться въ нихъ, — свѣтской ли образованности, или знанію Писанія⁴⁾. Очень близкое знакомство съ философіею видно у Ипполита въ его сочиненіи „*Опроверженіе всѣхъ ересей*“: въ первой книгѣ этого сочиненія довольно подробно разбираются ученія всѣхъ греческихъ философовъ, начиная съ Фалеса и кончая

¹⁾ Biblioth. cod. CXXI.

²⁾ Книга о знам. мужахъ, гл. LXI.

³⁾ Творенія Иеронима въ русск. пер. т. II Письмо 66 къ Люцію, стр. 260

⁴⁾ Творенія Иеронима въ р. переводѣ Т. II Письмо 65 къ Манину, сра-тору города Рима, стр. 253—4.

Еписуромъ и академиками или скептиками, во главѣ которыхъ стоялъ Пирронъ; кромѣ греческихъ философовъ Ипполитъ касается здѣсь и философовъ индѣйскихъ—брахмановъ и друидовъ кельтскихъ¹⁾. Онъ владѣлъ и званіями математическими, астрономическими, физическими и естественно-историческими въ той мѣрѣ, въ какой они доступны были лучшимъ и образованнѣйшимъ умамъ его времени. Доказательствомъ его служатъ изобрѣтенныя имъ пасхальныя таблицы и четвертая книга его „Опроверженія всѣхъ ересей“, въ которой Ипполитъ имѣетъ дѣло съ астрологами, астрономами, ариеметиками и магиками, и обнаруживаетъ большое знакомство со всѣми ихъ изслѣдованіями и мифіями²⁾ и съ разными ихъ математико-астрономическими вычисленіями.

Въ общемъ направленіи умственной и литературной дѣятельности на пользу христіанства Ипполитъ слѣдовалъ тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ и Оригенъ, и можетъ быть названъ прямымъ его сотрудникомъ. Подобно Оригену, будучи человекомъ философскаго и созерцательнаго духа, онъ пользовался услугами философіи и вообще гуманной науки къ уясненію и опредѣленію предметовъ, входящихъ въ область христіанскаго знанія. Также, какъ и Оригенъ, былъ онъ усерднымъ толкователемъ Писанія, и даже, по сказанію Іеронима³⁾ и Фотія⁴⁾, самаго Оригена, частію самъ непосредственно, частію чрезъ Амвросія, побуждалъ къ составленію толкованій на книги Священнаго Писанія. Въ толкованіи Писанія Ипполитъ показываетъ пристрастіе къ той же аллегорической методѣ, какую любилъ и какой далъ утвержденіе Оригенъ. Отъ Ипполита не такъ много дошло до насъ толковательныхъ твореній, какъ отъ Оригена, и на основаніи дошедшихъ до насъ отрывковъ изъ нихъ

¹⁾ Patr. c. c. t. XI, col. 3017—3056.

²⁾ Р. c. c. t. XVI, col. 3056—3122.

³⁾ К. о. зам., мѣсяць LXI.

⁴⁾ Biblioth. cod. CXXI.

мы не можемъ составить полнаго понятія о томъ развитіи, какое получила у него аллегорія. Во всякомъ случаѣ аллегорія Ипполита обнаруживаетъ въ себѣ меньше разнообразія и глубины и больше простоты, чѣмъ аллегорія Оригена. Видно, что кругозоръ послѣдняго былъ шире и мысль глубже, чѣмъ кругозоръ и мысль Ипполита. Впрочемъ въ существенномъ аллегорія Ипполита согласна съ аллегоріею Оригена. У Оригена главнымъ терминомъ, который онъ представлялъ, толкуя различныя мѣста Писанія, служить Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и дѣло искупленія, Имъ совершенное. Это сладчайшее имя всегда было на устахъ Оригена; въ его аллегорическомъ толкованіи оно служитъ ключомъ къ разгадкѣ глубокихъ тайнъ, заключенныхъ въ Писаніи. Указаніе на Него онъ готовъ былъ находить не только въ каждой книгѣ и каждой главѣ книги, но и въ каждомъ пунктѣ и въ каждой буквѣ Писанія¹⁾. И у Ипполита тоже Господь Иисусъ Христосъ и Его воплощеніе — главное понятіе, на которомъ онъ сосредоточивается своею мыслию, и которымъ всюду пользуется его аллегорія, когда хочетъ указать особенный, закрытый буквою, смыслъ Писанія въ томъ или другомъ мѣстѣ его. Во всѣхъ отрывкахъ изъяснительныхъ твореній Ипполита, сохранныхъ до насъ, мы встрѣчаемъ этотъ любимый пунктъ ученія Ипполитова: вездѣ онъ ищетъ въ Писаніи Христа Господа; имя Его является у него всякій разъ, когда онъ посредствомъ аллегоріи хочетъ извлечь изъ глубокаго кладязя Писанія сокрытыя въ немъ и невидныя для поверхностнаго взгляда божественныя тайны²⁾.

Блажь догматистъ, Ипполитъ точно также примыкаетъ къ Оригену. Главный догматъ, который онъ старался вы-

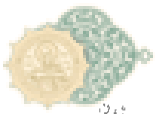
¹⁾ См. чалу статью „Оригенъ и его проповѣди“. Труды академіи 1880 г., мартъ, стр. 410—424

²⁾ См. Fragmenta et commentarius in Genesim, in Psalmos, in Proverbia, in Danielelem. P. c. c. t. X c. 535—702 et Fragmenta sermonum sive homiliarum, c. 61—70

яснить,—это догматъ о Троицѣ, о божествѣ и личной у-
постаси Сына Божія, воплотившагося для нашего спасенія.
Врагъ, съ которымъ онъ боролся, и ложное ученіе котораго
опровергалъ съ особенною горячностію и живостію, былъ
Ноевъ и его послѣдователи, сливавшіе Сына со Отцемъ.
Послѣ ученіе, лживость котораго показывалъ Иполитъ, на-
зывалось савелліанскимъ, по имени главнаго представителя
его въ Римѣ. По лжеученію Ноева и Савеллія, единый вы-
сочайшій Богъ называется Отцомъ и Сыномъ,—Отцомъ, какъ
существо первоначальное, невидимое, безстрастное, безмерт-
ное,—Сыномъ, какъ существо, по своей волѣ содѣлавшееся
человѣкомъ, рожденное отъ Дѣвы, пострадавшее и умершее,
и Сыномъ называется Онъ только для опредѣленнаго вре-
мени и относительно того, чѣмъ былъ на землѣ. Разсѣять
и увичтожить это нечестивое ученіе Иполитъ считалъ дол-
гомъ своей православной совѣсти, и своими трудами, со-
вмѣстно съ другими отцами III вѣка, положилъ прочный ка-
мень къ созиданію твердыни вселенскаго православія, ко-
торый доселѣ виденъ ясному глазу внимательнаго историка.
Не всѣ видѣли и цѣнили правду догматическихъ разъясне-
ній Иполита, когда для сознанія вѣрующихъ вселенскимъ
голосомъ церкви не былъ точно и твердо опредѣленъ въ
общепризнанной формулѣ трудный для пониманія высокой
существенный догматъ христіанскій. Въ Римѣ даже люди,
принадлежавшіе къ господствующей партіи, называли его,
какъ самъ онъ говорить¹⁾, двубожникомъ за ясное отличие
упостаси Сына отъ упостаси Отца. По послѣдующіе
отцы вселенской церкви своимъ согласіемъ съ ученіемъ И-
полита совершенно устранили отъ его имени всякую тѣнь
пареканія за неправильное пониманіе и толкованіе глав-
ныхъ пунктовъ христіанской вѣры. Усиливаются находить
иные въ его догматикѣ нѣчто чуждое, соблазнительное и
превратное, именно говорятъ²⁾, что его ученіе о Троицѣ и

¹⁾ Contra haereses lib. IX. Patr. c. c. t. XVI, col. 3383

²⁾ Dollinger. Hippolytus und Callistus, s. 209—220

въ частности о Логосѣ много пострадало отъ вліянія греческой философіи, и что въ этомъ пунктѣ онъ усвоилъ себѣ представленія и даже образъ выраженія Филона. Но это обвиненіе на святаго отца вытекло изъ напряженнаго желанія оправдать и возвысить осуждаемаго Ипполитомъ Каллиста, для чего оказалось нужнымъ представить въ невыгодномъ свѣтѣ горячаго его противника. Ипполитъ не чуждался пособій греческаго философскаго созерцанія, когда старался выяснить для мысли человѣческой тайны христіанской вѣры; но не оно, не это созерцаніе было руководительнымъ началомъ его догматическихъ разъясненій, а священное Писаніе, въ которомъ онъ указывалъ основанія для своихъ положеній. Безъ натяжки изъ его сочиненій нельзя извлекать, подобно Дѣллинггеру, разные пункты ученія, свидѣтельствующіе объ уклоненіи его отъ вѣры вселенской церкви. Если и попадаются у него нѣкоторыя неточности, то онѣ скорѣе неточности выраженія, а не искаженіе истины, и зависѣли отъ того, что въ то время еще не опредѣлилась догматическая терминологія, и догматъ христіанскій не получилъ такой ясности, какая дана ему въ періодъ вселенскихъ соборовъ. И Діонисій александрійскій вызывалъ нареканіе будто бы за неправославное толкованіе христіанскаго ученія о Троицѣ: поводъ къ такому нареканію подавало не дѣйствительное уклоненіе отъ православія, а употребленіе одного термина не въ томъ смыслѣ, какой соединяли съ нимъ другіе. Въ существѣ дѣла Ипполитъ, какъ учитель церкви, своимъ разъясненіемъ подготовлялъ, вмѣстѣ съ другими современными ему отцами, такое опредѣленіе догмата о Троицѣ, какое дано ему на соборахъ и въ писаніяхъ отцовъ IV вѣка.

Въ нравственномъ или нравственно-дисциплинарномъ направленіи Ипполитъ, какъ видно изъ его объясненій въ 9-й книгѣ Философуменовъ, является представителемъ строгаго, можно сказать, даже ригористическаго направленія, которое не мирилось съ ослабленіемъ церковной дисциплины, замѣчаемымъ въ его время, и которое требовало неуклон-

наго и точнаго исполненія всѣхъ требованій нравственнаго закова и всѣхъ постановленій церкви, какія утверждены волею ея предстоятелей въ первые вѣка образцовой жизни христіанской. По строгости нравственныхъ требованій онъ напоминаетъ собою суроваго правоучителя Тертулліана, и эта нравственная строгость повлекла его въ рѣзкую оппозицію Каллисту и господствующей партіи въ римскомъ христіанскомъ обществѣ. Его соблазняло то, что при Каллистѣ всѣмъ легко давалось прощеніе грѣховъ, и падшіе въ тяжкій грѣхъ или совращенные въ ересь безъ долгихъ проволочекъ принимались въ церковное общевіе, не неся прежняго тяжелаго публичнаго покаянія. Онъ находилъ не сообразнымъ съ достоинствомъ церкви то, что держали въ составѣ ея членовъ и не подвергали отлученію людей, дозволывшихъ себѣ почти открытое нарушеніе церковныхъ законовъ, какое послабленіе при Каллистѣ оказывалось въ особенности богатымъ женщинамъ, жившимъ въ незаконномъ сожитіи. Онъ ставилъ въ упрекъ Каллисту, что онъ сравнивалъ церковь съ ковчегомъ Ноевымъ, въ которомъ вмѣстѣ были чистыя и нечистыя животныя, и находилъ пужнымъ тоже самое, т. е., смѣшеніе чистыхъ и нечистыхъ членовъ допускать и въ обществѣ вѣрующихъ. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что въ клирѣ терѣлись недостойныя лица, и въ клирѣ принимались жившіе во второмъ и третьемъ бракѣ. При умноженіи вѣрующихъ, при появленіи среди нихъ значительнаго числа богатыхъ и знатныхъ, при охлажденіи прежняго пыла христіанской ревности, одушевлявшей первенствующихъ новообращенныхъ христіанъ, открывалась необходимость дѣлать нѣкоторыя измѣненія въ прежнихъ строгихъ требованіяхъ и церковно-дисциплинарныхъ изысканіяхъ. Но для Ипполита строгій законъ больше имѣлъ значенія, чѣмъ измѣняющіяся условія времени, и чистый идеалъ высокой нравственной жизни онъ выставлялъ для всѣхъ, какъ обязательное правило, не извиняя и не оправдывая никакого уклоненія отъ него. Когда его община

отдѣлилась отъ общины калликстіанъ, въ ней поддержи-
вался очень строгій порядокъ, и дозволявшіе себѣ нару-
шеніе его безъ снисхожденія изгонялись изъ нея, и такіе
увеличивали собою общину Каллиста, легко принимавшую
къ себѣ и достойныхъ и недостойныхъ¹⁾.

Ипполитъ былъ писатель очень плодовитый и разно-
образный. Его многочисленныя сочиненія, изъ которыхъ
впрочемъ большая часть не дошла до насъ, указанныя
частію у Евсевія²⁾, частію у блаж. Иеронима³⁾, частію на
мраморномъ памятникѣ, найденномъ 1551 года близъ Рима⁴⁾,
принадлежатъ къ различнымъ родамъ литературныхъ произ-
веденій. Между ними есть и полемическія творенія, и догма-
тическія, и экзегетическія, и историческія, и гомилетическія,
и философскія и пожалуй математическія, къ какимъ могутъ
быть отнесены пасхальныя таблицы, основанныя на вы-

¹⁾ Филосторгия I, б. IX. Patr. с. с. t. XVI, col. 3386—3388.

²⁾ Церк. ист. кн. VI, гл. XXII. Здѣсь перечислены изъ сочиненій Иппо-
лита книга о Пасхѣ, въ которой положена хронологія и составленъ пасхальный
кругъ на 16 лѣтъ, на шесть дней творенія; на событія послѣ шести дней творе-
нія; противъ Маркіона; на Пѣснь Пѣсней; на нѣкоторыя главы Иереміана; о
Пасхѣ; противъ всѣхъ ересей. Перечисливъ эти сочиненія, Евсевій прибавляетъ,
что можно найти много и другихъ его сочиненій.

³⁾ Книга о знаменитыхъ мужахъ, гл. LXI. По словамъ Иеронима, „Иппо-
литъ написалъ книгу о Пасхѣ и пасхальную хронологію, и нѣкоторыя толкова-
нія на книги Священнаго Писанія, изъ которыхъ я нашелъ слѣдующія: на ше-
стидневъ, на книгу Исхода, на Пѣснь Пѣсней, на книгу Ветія, на книгу про-
рока Захарія, на Псалмы, на книгу пророка Исаія, на книгу Давида, на Апо-
калипсисъ, на книгу Причей, на книгу Екклесиаста, о Саулѣ и волшебницѣ;
объ антихристѣ, о воскресеніи, противъ Маркіона, о Пасхѣ, противъ всѣхъ
ересей, бесѣду о словѣ Господа Спасителя, въ которой замѣчается, что онъ го-
ворилъ ее въ церкви въ присутствіи Оригена“.

⁴⁾ На памятникѣ Ипполита, гдѣ онъ представленъ сидящимъ на епископѣ,
представленъ пасхальный кругъ на 112 лѣтъ, доведенный до перваго года цар-
ствованія Александра Севера, и указаны слѣдующія сочиненія: противъ иудеевъ,
на шестодневъ, на исавлы, о чревоуздательницѣ (волшебницѣ), на Евлагеіе
и Откровеніе Іоанна, о дарованіяхъ, апостольское преданіе, хроника, противъ
еллиновъ и противъ Платона, увѣщаніе къ Севиріанѣ, показаніе времени праздни-
кованія пасха, (бесѣда) на все Писаніе, о Богѣ и воскресеніи плоти, о благѣ и
откуда зло.

численія шестнадцати-лѣтняго обращенія луны. Нашему разбору не подлежитъ вся совокупность произведеній святаго Ипполита. Мы имѣемъ въ виду одви проповѣдническія его творенія.

Въ перечняхъ твореній св. Ипполита почти не видно его проповѣдей: ясно упоминается только одна бесѣда въ похвалу Господа Спасителя, которая, по свидѣтельству Иеронима, сказана въ церкви, притомъ въ присутствіи Оригена; да и эта бесѣда не дошла до насъ. Гомилетическихъ произведеній Ипполита мы должны искать первѣе всего въ ряду его экзегетическихъ твореній. Фотій¹⁾ замѣчаетъ, что Ипполитъ говорилъ бесѣды къ народу по подражанію Оригену. А бесѣдами издревле назывались изъясненія на книги Священнаго Писанія, произносимыя въ церкви, и проповѣди Оригена, которому подражалъ Ипполитъ, всѣ были изъяснительнаго характера, и состояли въ толкованіи, съ нравственными примѣненіями, рядоваго текста книгъ Священнаго Писанія, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. На памятникѣ Ипполита, при исчисленіи твореній этого отца, есть неясное указаніе на бесѣды его на все Писаніе²⁾, и этому указанію нельзя не придавать значенія. Въ изданіяхъ твореній Ипполита довольно видное мѣсто занимаютъ отрывки изъ его комментаріевъ на разныя книги Священнаго Писанія. (Очень можетъ быть, что многіе изъ нихъ составились изъ бесѣдъ, говоренныхъ въ церкви. Говоримъ такъ потому, что въ этихъ комментаріяхъ встрѣчается обращеніе: возлюбленные или возлюбленный, иногда христолюбцы (ἀγαπητοί, ἀγαπητέ, φιλοχριστοί). что предполагаетъ, что, изъяс-

¹⁾ Biblioth. eod. (XXI).

²⁾ Мы назвали неяснымъ указаніе памятника на бесѣды Ипполита, потому что оно допускаетъ разныя толкованія. На памятникахъ начертано: *ὅλης πλάσεως γραφάς*, это читали *ὅλη* на все Писаніе, но это чтеніе не имѣетъ яснаго смысла, и потому друпе не безъ основанія видаиъ здѣсь сокращеніе словъ *ὅλης*. Hippolytus und seine Zeit, von Busen. В. I. s. 205.

вая Писаніе. Ипполитъ имѣлъ предъ глазами слушателей. Такое обращеніе встрѣчается — на примѣръ въ отрывкахъ комментарія на Давіида, при изъясненіи видѣній Навуходносора¹⁾, и въ заключеніи изъясненія исторіи Сусанны²⁾. Кромѣ того у древнихъ писателей церковныхъ встрѣчаются свидѣтельства или выдержки изъ Ипполита, и приводя эти свидѣтельства, древніе писатели прямо говорятъ, что они берутъ ихъ изъ бесѣды Ипполита на ту или другую книгу Писанія, и эти отрывки или извлеченія изъ бесѣды составляютъ подлинный несомнѣнный памятникъ его проповѣдничества. Трудно предположить, чтобы Ипполитъ прошелъ изъясненіемъ въ церкви все библейскія книги, слѣдя текстъ Писанія стихъ за стихомъ, какъ слѣдуетъ изъ прямого указанія на бесѣды на все Писаніе, находимаго на мраморномъ памятникѣ Ипполита: для этого требовалось бы слишкомъ много времени. Ученые³⁾ не безъ основанія полагаютъ, что Ипполитъ рѣдко предпринималъ изъясненіе цѣлой книги по порядку текста, а выбиралъ извѣстное мѣсто изъ нея, почему либо замѣчательное, или оставался на какомъ либо предметѣ, изображенномъ въ той или другой книгѣ, на примѣръ изъ книги Царствъ онъ выбралъ для изъясненія отдѣлъ о Саулѣ и филистивѣ или асидорской волшебницѣ, и при толкованіи книги пророка Давіида могъ сосредоточиться вниманіемъ на отдѣльныхъ эпизодахъ изъ нея, на видѣніи Навуходносора (гл. 2), на пророчествѣ о седмицахъ (9 гл.) и на исторіи о Сусаннѣ (гл. 13) и т. под. — Такому заключенію благоприятствуетъ отзывъ Фотія въ его замѣчаніи на толкованіе Ипполита книги Давіида, что Ипполитъ не дѣлаетъ разъясненія по буквѣ

¹⁾ Patr. c. c. t. X, col. 644.

²⁾ Ibidem, col. 697.

³⁾ Histoire littéraire de la France, t. 1, part. pag. 374. Scaliger. Observations in Canonem Paschalem, apud Fabricium t. 1. Op. Hipp. p. 81. Gottfridi Lumper dissert. de vita et scriptis s. Hipp. P. c. c. t. X, col. 319.

текста, а болѣе, такъ сказать, слѣдить мысль¹⁾. Кромѣ изъяснительныхъ твореній, и нѣкоторыя догматическія и догматико-полемическія имѣютъ форму бесѣды и, какъ нужно полагать, были говорены въ церкви предъ собраніемъ вѣрующихъ.

Полныхъ бесѣдъ Ипполита дошло до насъ собственно только двѣ. Такими въ изданіяхъ его твореній являются сочиненіе противъ ереси нѣкоего Нова и бесѣда на Богоявленіе. Кромѣ этихъ двухъ бесѣдъ, извѣстно нѣсколько отрывковъ изъ другихъ его проповѣдей. Отрывки или выдержки изъ бесѣдъ Ипполита сохранились главнымъ образомъ у блаж. Феодорита въ его діалогахъ, писанныхъ въ обличеніе еutihianства; кромѣ Феодорита, находятся небольшіе отрывки изъ бесѣдъ Ипполита у Анастасія Сиваита, у Евстратія, пресвитера константинопольскаго, жившаго въ VI вѣкѣ, и въ актахъ Латеранскаго собора, бывшаго при Мартинѣ I въ 649 году. У Феодорита сохранились отрывки 1) изъ слова на Елкану и Авну, мать Самуила²⁾, 2) изъ слова на псаломъ XXII: *Господь посетъ мя*³⁾, 3) и на псаломъ XXIII⁴⁾, 4) изъ слова на Пѣснь Пѣсней⁵⁾, 5) изъ слова на начало книги пророка Исаи⁶⁾, 6) изъ слова о раздѣленіи талантовъ⁷⁾, и 7) изъ слова о двухъ разбойникахъ⁸⁾. У Анастасія Сиваита приводится выдержка изъ слова Ипполита о воскресеніи и нетлѣнии⁹⁾, у Евстратія изъ второй бесѣды

1) Bibl. cod. ССII.

2) Три небольшіе отрывка въ Dial. I. ('Αρχητος), с. XIX, ed. a Marco Beumbelego Tigurino 1593, pag. 107 и четвертый въ Dial. II ('Ασίζητος), с. XXVII, p. 121—2.

3) Dial. I, с. XIX, p. 106—7.

4) Dial. II, с. XXVII, p. 124—3.

5) Три небольшіе отрывка въ Dial. II, с. XXVII, p. 122—3.

6) Dial. I, с. XIX, p. 107.

7) Dial. II, с. XXVII, p. 121.

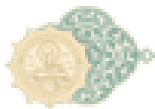
8) Три небольшія выдержки въ Dial. III ('Αλαβής), с. XXI p. 108—109.

9) 'Οβελός. Patrol. curs. compl. t. LXXXIX, col. 301—2.

на книгу пророка Даниила¹⁾, въ актахъ Латеранскаго собора изъ бесѣды на Пасху Господню²⁾.

¹⁾ In tractatu Adversus eos, qui dicunt, animas statim atque e corpore solutae sunt, non operari et eact. c. XIX. Vide Allatii librum De utriusque Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione, pag. 492.

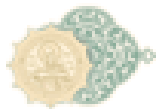
²⁾ Acta conciliorum, t. VII, p. 293. Въ актахъ Латеранскаго собора есть еще небольшой отрывокъ изъ словъ о богословіи (περί θεολογίας р. 287). Смысломъ своимъ онъ напоминаетъ сочиненіе Иполита о богословіи и воплощеніи противъ Верона и Гелика еретиковъ (κατὰ Βήρωνος καὶ Ἡλικῶς τῶν αἱρετικῶν), или, какъ другіе читають, противъ Верона и некоторыхъ современныхъ еретиковъ (κατὰ Βήρωνος καὶ τῶν αἱρετικῶν περὶ θεολογίας καὶ σαρκώσεως Fabr. I, 225. Patr. c. c. t. X col. 829--847). Объ этомъ сочиненіи первый упоминаетъ Анастасій пресвитеръ, бывший апокрисиаріемъ римской церкви въ Константинополѣ въ половинѣ VII столѣтія. Къ нему принесена была въ Константинополѣ, какъ онъ пишетъ въ письмѣ къ Осодосію, пресвитеру гангрскому (Anast. epist. ad Theod. t. III. opp. Sirmonti, pag. 579) книга Иполита епископа Порты римскаго и мученика, въ которой опровергается ересь моноелитова; онъ ее всю хотѣлъ списать, но едва успѣвъ завлечь изъ нея восемь лѣтъ или свидѣтельствъ, какъ противники вырвали у него изъ рукъ эту книгу, и вотъ эти восемь отрывковъ печатаются въ наданныхъ твореніи Иполита. Въ изданіяхъ говорится, что они заимствованы изъ слова или бесѣды о богословіи и воплощеніи, и поэтому названное сочиненіе Иполита какъ будто относится къ разряду проповѣдническихъ его твореній. Но это сочиненіе, какъ полагають многіе ученые—Донсенъ (Ecclesiasticorum auctorum Bibliotheca nova, p. 178), Паталисъ Александръ (Hist. eccles. sacr. III, c. 4. articul. I, pag. 63), Сандій (Oec. script. eccles. pag. 27), Петавій и Баспаль, напрасно носятъ имя нашего отца. Кромѣ того, что о немъ не упоминають древніе, въ немъ самомъ есть доказательства его исподлинности и позднѣйшаго происхожденія: въ немъ опровергается заблужденіе Аполлинарія и Евтихія объ ипѣненіи божества въ плоть, или плоти въ божество; далѣе большая часть его имѣетъ отношеніе къ ереси моноелитова; и доказываетъ два дѣйствія во Христѣ. Если бы оно извѣстно было равнѣ сегоднѣшняго вѣка, Осодорію, писавшій противъ евтихіанъ, и собравшій многія свидѣтельства изъ сочиненій Иполита, воспользовался бы этою книгою; а между тѣмъ изъ нея ничего нѣтъ у него. Самые еретики, противъ которыхъ писана книга, нигдѣ не упоминаются у древнихъ. На этомъ основаніи мы не можемъ включать въ число оставшихся отъ Иполита произведеній гомилетическаго характера слова его о богословіи и воплощеніи,—не можемъ включать ни отрывковъ изъ него, сохраненныхъ Анастасіемъ пресвитеромъ, ни короткой выдержки изъ него въ актахъ Латеранскаго собора, на которомъ присутствовалъ упомянутый Анастасій пресвитеръ, и которому онъ могъ сообщить свидѣтельство изъ сочиненія, безъ твердыхъ основаній признавая имя произведеніемъ Иполита.

Вотъ и все, что дошло до насъ изъ проповѣдническихъ произведеній св. Ипполита. Какъ видить читатель, количество проповѣдей, и даже отрывковъ изъ нихъ, очень недостаточное. Но мы не должны многого ожидать и требовать отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, притомъ изъ области такихъ произведеній, которыя больше говорились живою рѣчью, чѣмъ записывались на бумагу. Для насъ имѣють значеніе и важность несомнѣнные слѣды проповѣднической дѣятельности святаго отца III вѣка, по которымъ бы мы могли оживить и возстановить его проповѣдническій образъ. Отрывки проповѣдей Ипполита, дошедшіе до насъ, — разнообразнаго характера, и они свидѣтельствуютъ о широкой и усердной его дѣятельности въ качествѣ проповѣдника. На церковной каедрѣ онъ и полемизируетъ съ еретиками и предостерегаетъ вбрующихся отъ ихъ заблужденій, и разъясняетъ догматы вѣры, и толкуетъ Писаніе, и приглашаетъ слушателей къ исправленію жизни и къ воспріятію очищающей и освящающей благодати Божіей, и славословить Господа и обличаетъ своихъ современниковъ. Можно сказать, имъ затронуты всѣ интересы, какіе имѣли значеніе для служителей церковнаго слова послѣдующихъ временъ.

В. Пьяницкій.

(Продолженіе будетъ).

**СВЯТЫЙ ИПОПОЛИТЪ,
ЕПИСКОПЪ РИМСКІЙ,
и дошедшіе до насъ памятники его проповѣдничества.**

(Окончаніе¹⁾).

Краснорѣчіе св. Ипполита было признано древними, и ему отдавали за него честь писатели, упоминавшіе о немъ. У блаж. Иеронима онъ называется *vir disertissimus*²⁾, что указываетъ не на учепость его (хотя въ русскомъ переводѣ это слово переведено „ученѣйшій мужъ“³⁾), а именно на краснорѣчіе, на искусство слова. Объ его краснорѣчии можетъ свидѣтельствовать и мраморный памятникъ его, найденный вблизи Рима въ 1551 году: на немъ онъ представленъ сидящимъ на кафедрѣ и какъ бы возвѣщающимъ или объясняющимъ слово Божіе. Къ такому представленію на памятникѣ святаго отца могло подать поводъ то обстоятельство, что его современники и почитатели привыкли видѣть его въ такомъ положеніи, и желаніе ихъ увѣковѣчить такой образъ его можетъ служить доказательствомъ того, что онъ, какъ церковный ораторъ, производилъ сильное впечатлѣніе на своихъ слушателей. Дошедшія до насъ го-

¹⁾ См. Труды Киевск. д. Акад., январь 1885 г.

²⁾ Epist. ad Lucinium.

³⁾ Твор. блаж. Иер. въ р. переводѣ. Т. II, стр. 260.

мыслитическія произведсвія Пиполита обпаруживаютъ въ немъ мысль ясную и доказательную, изложене легкое и текучее. — немаловажныя достоинства ораторскія. Многіе ¹⁾ находятъ у него въ изложеніи черты пріятной простоты первыхъ вѣковъ христіанства. Но это можно принимать только съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Въ Пиполитѣ виденъ человекъ, знакомый не только съ греческою ученостію, но и съ греческимъ краснорѣчіемъ, и не пренебрегавшій искусственными приемами греческой реторикки. Слово его не есть простое выраженіе святой мысли, сильное духомъ вѣры, какое мы читаемъ въ произведеніяхъ мужей апостольскихъ: оно носитъ въ себѣ явные слѣды намѣренной художественности, какъ это видно для всякаго, со вниманіемъ читающаго его бесѣду на Боговъленіе. Простоты, чуждой реторической искусственности, больше въ сочиненіяхъ и бесѣдахъ Оригена, главнаго представителя христіанской учености III вѣка, чѣмъ у Пиполита. Въ лицѣ Пиполита, въ его церковномъ словѣ христіанское краснорѣчіе нѣсколько удалилось отъ простоты первенствующей церкви, и сдѣлало шагъ впередъ къ сближенію съ краснорѣчіемъ свѣтскимъ. Онъ стоитъ въ исторіи церковной проповѣди на срединѣ между представителями и творцами простой безискусственной бесѣды, какихъ церковь слышала во второмъ и третьемъ вѣкѣ, и тѣми знаменитыми проповѣдниками IV вѣка, которые, получивъ образованіе въ языческихъ школахъ, вполне усвоили себѣ изящество елливской рѣчи, и въ своихъ словахъ по вѣншему краснорѣчію не только сравнились съ современными языческими риторамъ, но и превзошли ихъ. Изъ одцовъ III вѣка только одинъ св. Григорій Чудотворецъ, оставившій намъ свою прекрасную и высокохудожественную рѣчь въ похвалу Оригену, можетъ быть поставленъ выше его по вѣншему искусству слова, какому

— — —

¹⁾ Hist. littéraire de la France, t. I, part. II, pag. 398. Gottfridi Lamperti diss. de vita et scriptis s. Hippolyti. Patr. c. c. t. X, col. 383.

научала реторика, бывшая тогда у язычниковъ въ числѣ первыхъ предметовъ преподаванія. Но и Инполитъ несколько не пренебрегалъ тѣмъ, въ чемъ великимъ мастеромъ явился младшій его современникъ. Въ панегирикѣ или въ похвальномъ словѣ первѣе всего нашла приложеніе въ христіанствѣ языческая риторика, и въ четвертомъ вѣкѣ собственно въ похвальныхъ словахъ отцы — проповѣдники въказали весь блескъ и всю силу своего риторическаго образованія. Инполитъ былъ въ числѣ первыхъ отцовъ, введшихъ панегирикъ на церковную кафедру. Онъ, по свидѣтельству Іеронима, говорилъ въ церкви, въ присутствіи Оригена, слово въ похвалу Господа и Спасителя. Хотя оно не дошло до насъ, но мы имѣемъ право относить его къ панегирической христіанской литературѣ; такъ какъ оно своимъ содержаніемъ имѣетъ то, что назначалось для панегириковъ, и конечно по своему характеру не похоже было на тѣ изъяснительныя бесѣды, какія тогда составляли господствующій родъ церковныхъ поученій. И слово на Богоявленіе, до насъ дошедшее, по своему складу выходитъ изъ ряда простыхъ бесѣдъ, а скорѣе подходитъ подъ категорію похвальныхъ словъ, чѣмъ общеназначательныхъ изъясненій. Писаніа, тогда слышимыхъ въ церкви.

Нашъ взглядъ на Инполита и его краснорѣчіе не расходится съ сужденіемъ умнѣйшаго изъ древнихъ литературныхъ критиковъ, именно патріарха Фотія, у котораго мы встрѣчаемъ самый характерный и мѣткій отзывъ о манерѣ и достоинствѣ рѣчи нашего отца. Характеризуя его рѣчь, Фотій вовсе не думаетъ высказывать на видъ простоту ея, какъ выдающееся качество. Если онъ и не признаетъ его слова совершеннымъ съ вѣшной стороны, то все-таки указываетъ въ немъ ясныя слѣды несущественности: „изложеніе его (говоритъ Фотій)¹⁾ въ замѣткѣ о толкованіи Инполита на пророка (Давида) болѣе всего стремится къ

¹⁾ Biblioth., cod. ССН.

ясности, какъ слѣдуетъ быть въ толкованіи, хотя оно отнюдь не пренебрегаетъ аттическими законами⁴. И въ другомъ мѣстѣ¹⁾ (при отзывѣ о вивгѣ Иполита противъ 32 ересей) читаемъ мы у Фотія: „фраза его ясная, внушительная, чуждая излишествъ, хотя и не приближающаяся къ аттическому слову“. Этотъ отзывъ лежитъ въ основаніи всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій о стилѣ и образѣ рѣчи Иполита. Его обыкновенно повторяютъ, съ небольшими измѣненіями и дополненіями, позднѣйшіе ученые. Изъ нихъ наиболѣе вѣрнымъ остается Фотію, справедливѣе другихъ судить объ Иполитѣ Реми Селье. По его характеристикѣ, „Иполитъ связно мыслить, пользуется врожденнымъ даромъ слова, основательно судить... Родъ его рѣчи ясный, важный и сдержанный; хотя въ его рѣчи нѣтъ всѣхъ красотъ аттическаго стиля, однако стиль его стиль извѣстный (украшенный) благородный, плавный и пріятный“²⁾.

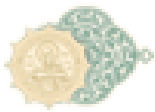
¹⁾ Bib. cod. CXXI.

²⁾ Ceillier. Hist. gen. des auteurs ecclesiast. chap. XXVII, art. XI t. II, pag. 371 et 372. Держатся Фотія въ сужденіи объ Иполитѣ и его изложеніи и авторы Литературной исторіи Франціи (Hist. litt. de la France, t. I, part. I, pag. 377 et 399) и Дюпелъ (Nova Bibl. eccl. auctor. t. I. p. 178—9), но они между тѣмъ совершенно несправедливо, вопреки Фотію, отрицаютъ всякое аттическое изящество у изложенія Иполитова, и говорятъ, что имъ пренебрежены были правила, ведущія къ изяществу рѣчи. Дѣло въ томъ, что въ отзывѣ Фотія есть одно выраженіе, которое неправильно читается и переводится ими. Въ греческомъ (cod. ССII) текстѣ отзывъ Фотія читается такъ: Ἡ φράσις αὐτοῦ, τὸ σαφέστερον εἶναι καὶ ὁμοιωμένην, πρὸς τὸν ἑλληνικόν, εἰ καὶ τὸ Ἀττικὸν οὐκ ἔστιν ὁμοιωμένην. Последнее выраженіе буквально слѣдуетъ перевести такъ: фраза его имѣла не сходства аттическихъ законовъ, или далеко не пренебрегаетъ аттическими законами. Но упомянутые нами ученые, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторые другіе вмѣсто οὐκ ἔστιν ὁμοιωμένην читаютъ εἶναι, и выводятъ смыслъ, совершенно обратный тому, что хотѣлъ сказать ученый Фотій, всегда мѣткій въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ,—выходитъ смыслъ, отнюдь не соответствующій свойству и характеру обсуждаемыхъ Фотіемъ твореній Иполита. Дюпелъ приведенную выдержку изъ Фотія переводитъ: Eius scribendi ratio perspicua est et nitida, et ad commentarium apta, licet a styli Atheniensis legibus et puritate recedit. А въ Литературной исторіи Франціи отзывъ Фотія перефразируется такъ, что „стиль Иполита не имѣетъ красотъ и пріятности аттическаго изящества“, и что „имъ пренебрежены были правила аттическаго краснорѣчія“. Такая ха-

Жилъ, дѣйствовалъ, училъ и проповѣдывалъ святой Ипполитъ на Западѣ, и въ частности въ Римѣ; по его сочиненіямъ и проповѣди писаны и дошли до насъ на греческомъ языкѣ, и Ипполитъ по своему направленію примыкаетъ къ греческой части христіанскаго міра. Это не было особенностію, что представитель римской церкви пользовался греческимъ языкомъ для выраженія своихъ мыслей и для сообщенія другимъ богопреданнаго ученія. Въ Римѣ въ первые вѣка христіанской эры греческое вліяніе было очень сильно, и до половины третьяго вѣка греческій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ римской церкви. Здѣсь была довольно значительная греческая колонія, и къ ней примыкали многіе уроженцы Рима и Запада, увлеченные греческимъ образованіемъ, которымъ греки побѣждали своихъ побѣдителей, вмѣстѣ съ образованіемъ усвоившихъ себѣ греческій языкъ и греческіе нравы. Къ римлянамъ на греческомъ языкѣ принесено было слово Евангелія, и на немъ оно первоначально распространялось среди нихъ. Къ римлянамъ на греческомъ языкѣ писано было извѣстное по-

 характеристика Ипполита представляетъ искаженіе словъ Фотія, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ложное понятіе объ Ипполитѣ, который огиѣкъ не думалъ пренебрегать правилами, ведущими въ ииѣкъ ству рѣчи, напротивъ старался прилагать ихъ къ дѣлу, при служеніи слова, имъ на себя принятомъ. Измѣненіе текста Фотіева отзыва, нами указанное, вызвано было тѣмъ, что въ немъ находили противорѣчіе съ другимъ отзывомъ Фотія объ ижеженіи Ипполита (cod. СХХІ), гдѣ Фотій, хвала снвъ Ипполита, въ тоже время замѣчаетъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ аттическаго совершенства. И воле, чтобы согласить эти два отзыва, рѣшились перенести текстъ Фотіевой замѣтки, намянувъ слово оѣтъ словомъ бѣтъ. Но намъ кажется, вовсе нѣтъ нужды прибѣгать къ такому наслованію текста: въ существѣ дѣла нѣтъ противорѣчія между тѣмъ и другимъ отзывомъ Фотія. Въ одномъ мѣстѣ Фотій говоритъ, что Ипполитъ нѣ стыдится аттическнхъ обычаевъ или не пренебрегаетъ ими, а въ другомъ,—что онъ не достигаетъ совершенства въ аттической рѣчи, что стиль его не имѣетъ надлежащаго или полнаго аттическаго изящества. Эти сужденія волеѣ согласны одно съ другимъ. Тѣмъ боаѣ мы считаемъ нужнымъ указать такой смыслъ въ отзывахъ Фотія объ Ипполитѣ, что онъ совершенно отвѣчаетъ существу дѣла и является вѣрною оцѣнкою литературнаго достоинства вѣтшней стороны Ипполитовыхъ произведеній.

слани ея Апостола Павла, и въ греческомъ текстѣ оно читалось въ римскихъ церковныхъ обществахъ. Но гречески писали и говорили далѣе всѣ видные и извѣстные въ исторіи представители римской церкви первыхъ двухъ вѣковъ, какъ то: св. Климентъ епископъ римскій и св. Иустинъ философъ. Греческимъ языкомъ, какъ своимъ собственнымъ, пользовался учитель Ипполита св. Приней Лионскій, дѣйствовавшій хотя не въ столицѣ Запада, но все же въ предѣлахъ области западной. Въ какакомъ-бъ римскихъ есаи встрѣчаются надписи, относящіяся къ самымъ первымъ вѣкамъ христіанства, то онѣ болышую частію греческія, свидѣтельствующія объ употребленіи греческаго языка въ древнемъ римскомъ христіанскомъ обществѣ. Въ тѣ годы, когда жилъ и дѣйствовалъ Ипполитъ, латинская отрасль христіанской литературы въ Африкѣ находила благоприятную почву для своего развитія, и первые представители латинской христіанской письменности были африканцы. Не одинъ языкъ роднитъ Ипполита съ греческою христіанскою литературою. Внутренній складъ его произведеній, и въ частности проповѣдей носитъ на себѣ ясныя черты греческаго духа, а не латинскаго, и это служитъ очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что на верху христіанскаго римскаго общества того времени преобладалъ греческій духъ, а не латинскій. Латинская литература и проповѣдь сосредоточивала свое вниманіе на предметахъ практическаго или нравственно-дисциплинарнаго свойства, и первые важнѣйшіе дѣятели латинской христіанской письменности (Тертуліанъ, св. Кипріянь, Лактанцій) этой нравственной области христіанства посвящали свое перо. Мысль Ипполита, какъ она заявила себя въ литературѣ и проповѣди, обращена главнымъ образомъ къ теоретической сторонѣ христіанства, и въ его проповѣдяхъ, какъ и вообще въ его литературныхъ произведеніяхъ, преобладающимъ содержаніемъ является догматика и догматическая полемика. Вопросы вѣры болыше его занимають и болыше привлекають къ себѣ его вниманію,

чѣмъ вопросы жизни и права. Въ самомъ раскрытіи догматическихъ матерій у него метода греческая, а не латинская. Не на преданіе и авторитетъ опирается онъ главнымъ образомъ, когда доказываетъ то или другое догматическое положеніе, какъ то дѣлали латинскіе отцы: онъ входитъ въ подробный разборъ обсуждаемаго предмета и въ діалектическія препирательства съ противниками, и обнаруживаетъ при этомъ мысль гибкую и изворотливую, умъ довольно тонкій, способный отличать и увесить едва замѣтные для другихъ оттънки высокаго отвѣченнаго предмета, привыкшій къ метафизическимъ созерцаніямъ и къ размышленію о тайнахъ боговѣдѣнія, чѣмъ въ исторіи отличались греческіе отцы, а не латинскіе. Латинская проповѣдь во вѣшнемъ изложеніи любезна простоту и безыскусственность, и не стремится къ обстоятельному изслѣдованію матеріи, ею обсуждаемой, отличалась относительною краткостію, и была больше словомъ властнаго напоминанія о долгѣ и истинѣ, чѣмъ словомъ старательнаго убѣжденія. У Ипполита, какъ мы показывали выше, простота не была отличительнымъ качествомъ проповѣднаго слова. У него замѣтны слѣды реторики и стремленія къ вѣшнему изяществу слова, и онъ въ своихъ проповѣдяхъ не довольствуется безлитростнымъ сообщеніемъ слова вѣры или нравственнаго закона, а старается облечь его такою одеждою, въ которой бы оно было болѣе убѣдительно для его слушателей, болѣе преклоняло къ себѣ ихъ вниманіе, и болѣе побуждало ихъ мысль.

Перейдемъ къ разбору оставшихся или дошедшихъ до насъ памятниковъ проповѣдничества св. Ипполита.

Первымъ изъ сочиненій св. Ипполита, относящихся къ проповѣднической литературѣ, мы назвали сочиненіе его противъ ереси Нозта. Это сочиненіе догматико-полемическаго содержанія, и нѣтъ въ немъ такихъ нравственныхъ наставленій, какія мы привыкли встрѣчать въ большинствѣ

проповѣдей, и какія современныи обычаи считаетъ необходимою принадлежностію словъ, говоримыхъ съ церковной кафедрѣ. Но въ немъ есть несомнѣнные признаки того, что ово говорено было предъ собраніемъ, или назначено было для произнесенія предъ вѣрующими. Нѣсколько разъ въ немъ авторъ обращается къ слушателямъ, называя ихъ братіями, а иногда братіями возлюбленными (*смотрите, братіе видите, братіе, будезь вѣрять, возлюбленные братія, итакъ ясно, братіе, что...*),—такіе обороты употребительны въ живой, и въ частности, проповѣднической рѣчи. Заключеніемъ сочиненія служитъ славословіе: *Гну (Сыну Божию, содѣлавшемуся для насъ человекомъ) слава и держава со Отцемъ и Святѣмъ Духомъ, во святой Церкви, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.* Въ древней литературѣ такое заключеніе употреблялось обыкновенно въ проповѣдяхъ, и было, можно сказать, отличительнымъ признакомъ произведеній, назначавшихся для произнесенія при богослужебныхъ собраніяхъ. А отсутствіе въ сочиненіи правдивныхъ наставленій не можетъ служить доказательствомъ того, что это не проповѣдь. Въ тѣ времена можно найти очень много проповѣдей чисто догматическихъ или догматико-полюемическихъ, безъ всякой примѣси правоучительнаго элемента. Примѣромъ этого могутъ служить догматическія проповѣди св. Григорія Богослова, св. Василія Великаго, св. Ефрема Сиріина и другихъ отцовъ.

Съ именемъ бесѣды это сочиненіе явилось и въ печатныхъ изданіяхъ, и имя бесѣды носитъ въ нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексахъ. Въ первый разъ издано было оно Герардомъ Вослемъ, въ лагискомъ переводѣ Турриана, въ Майнцѣ 1604 (inter Miscellanea sanctorum aliquot Patrum Graecorum et Latinorum) въ приложеніи къ твореніямъ св. Григорія Чудотворца, откуда оно перешло въ позднѣйшія изданія греческихъ твореній, и въ этомъ первомъ изданіи озаглавлено такъ: *Homilia de Deo trino et uno, et de mysterio incarnationis contra haeresim Nocti.* Греческій подлинникъ его напечаталъ Фабрицій, первый собравшій

въ одно цѣлое сочиненіи Ипполита, и издавшій ихъ въ двухъ томахъ (1716—1718 г.),—напечатавъ по копии съ Ватиканскаго кодекса, благодаря содѣйствию извѣстнаго Монфокона. Въ кодексѣ Ватиканскомъ и въ изданіи Фабриція сочиненіе озаглавлено: *Ἐπίτολιον εἰς τὴν αἵρεσιν Νοῦτου τῆς*. Вунзенъ признаеть, что эти заглавія позднѣйшаго происхожденія, но самъ утверждаетъ, что книга противъ Нюэта есть бесѣда или проповѣдь, хотя не рѣшаетъ, была ли она дѣйствительно произнесена или только написана въ формѣ бесѣды ¹⁾. Согласно съ Вунзеномъ, и о. Иванцовъ-Платоновъ говоритъ ²⁾, что „по вѣншему изложенію трактатъ противъ Нюэта представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ опытовъ древнѣйшаго богословскаго ораторства“.

Въ перечнѣ сочиненій Ипполита, какой находится у Евсевія, Иеронима и на мраморномъ памятникѣ нашего отца, не значится книга противъ Нюэта. Но не смотря на это, она издавна признается всеми подлиннымъ произведеніемъ Ипполита. Изъ него приводитъ свидѣтельство папа Геласій или Геласій Кизическій въ своемъ трактатѣ о двухъ естествахъ во Христѣ, и автора книги, изъ которой взято это свидѣтельство, называетъ Ипполитомъ епископомъ и мученикомъ. Нюетіане были главные враги, съ которыми при жизни боролся нашъ святой отецъ, и ему, писавшему противъ всѣхъ ересей, естественно было обратить особенное вниманіе на ту ересь, которая заражала и волновала общество, ему современное. Мысли, раскрытыя въ этомъ сочиненіи, составляютъ любимую часть христіанскаго исповѣданія, которою завѣтъ былъ Ипполитъ преимущественно предъ другими членами христіанскаго догматическаго ученія. Есть большое сходство между книгою противъ ереси Нюэта и тѣми главами Философуменовъ, гдѣ Ипполитъ разсуждаетъ о нюетіанахъ, и это сходство видно не только въ планѣ, мысляхъ и стилѣ двухъ сочиненій, но простирается

1) Hippolytus und seine Zeit. Band 1, Brief 5, s. 182.

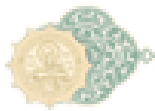
2) Ересь и расколъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, стр. 143.

до того, что въ томъ и другомъ сочиненіи есть довольно мѣстъ, сходныхъ между собою даже по выраженіямъ¹⁾. Такое сходство въ сочиненіяхъ само собою заставляетъ предполагать, что оба они принадлежать одному и тому же веру. Бузвенъ даже видитъ въ сочиненіи противъ ереси Поэта явный намекъ на несправедливость Зевирива и Каллиста, назвавшахъ Инполита двубожникомъ за различіе лица Сына отъ лица Отца въ тріупостасномъ существѣ божественномъ, на что Инполитъ жалуется при изображеніи своихъ отношеній къ Каллисту въ Философумахъ. „Если Слово было у Бога и само Богъ (читаемъ мы въ 14-й главѣ книги противъ ереси Поэта), что слѣдуетъ? Скажетъ ли кто нибудь, что Іоаннъ говоритъ о двухъ Богахъ. П я не говорю о двухъ Богахъ, но только объ одномъ; я только принимаю два Лица, и третіе домостройство, благодать Святаго Духа“²⁾.

Всѣгда противъ ереси Поэта заслуживаетъ особеннаго вниманія по очень многимъ отношеніямъ. При высокомъ гомилетическомъ достоинствѣ, дѣлающемъ ее образцовымъ произведеніемъ въ своемъ родѣ, она представляетъ важный интересъ историческій,—по отношенію къ освѣщенію личности самаго Инполита, и по отношенію къ уясненію церковныхъ явленій его времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ высокой интересъ догматическій. Она показываетъ, какъ близко принималъ къ сердцу святой отецъ дѣло чистой и святой вѣры, и съ какою заботливостію онъ предостерегалъ своихъ современниковъ отъ тѣхъ заблужденій, какія грозили повредить чистоту святой вѣры въ его время, и какія заражали слабые умы его современниковъ. Стоя на стражѣ церкви, полный благочестивой ревности по истинѣ вѣры, онъ не могъ проходить равнодушно мимо тѣхъ лжеученій, какія

¹⁾ Мѣста эти сличены и сопоставлены между собою въ сочиненіи Бузвеня: Hipp. und seine Zeit. В. 1, s. 183—9.

²⁾ Patr. c. compl. Т. X, col. 821.

являлись и распространялись вокругъ его, и дѣлали ихъ предметомъ самаго тщательнаго разбора и въ письменныхъ трудахъ и въ публичныхъ собесѣдованіяхъ. Ноэтъ сливалъ лица Трїединнаго Божества, и говорилъ, что Христосъ самъ Отецъ, и что самъ Богъ Отецъ принявъ вашу плоть, пострадалъ за насъ, умеръ и воскресъ, и что вѣтъ въ Божествѣ Сына, отличнаго отъ Отца. Вопреки этому лжеученію, св. Ипполитъ разъясняетъ тайну святой Троицы и тайну воплощенія Сына Божія. По высотѣ содержанія и по характеру изложенія эта бесѣда предназначаетъ собою тѣ догматическія или догматико-полемическія слова, какія въ четвертомъ вѣкѣ говорили противъ аріанъ и евноміанъ св. Аѳанасій Великій, св. Григорій Богословъ, св. Василій Великій и другіе, и она приближается къ нимъ по своему достоинству. Бесѣда имѣетъ значеніе и потому, что она лучше, чѣмъ какое либо другое сочиненіе, знакомитъ съ ересью Ноэта, волновавшею христіанское общество III вѣка. Она показывается, на чемъ опирались и какими мѣстами Писанія защищали свое ученіе послѣдователи этого представителя монархіанской ереси. Приведши доказательства, какими обставляли свое мнѣніе ноэтіане, св. Ипполитъ побѣдоносно разбиваетъ ихъ силлогизмы и научаетъ, какъ нужно понимать тѣ мѣста Писанія, которыя вводили еретиковъ въ заблужденіе. Послѣ полемической части св. Ипполитъ даетъ подробное изложеніе труднѣйшаго и главнѣйшаго изъ христіанскихъ догматовъ о Троицѣ и воплощеніи Сына, и мы видимъ, съ какою силою богословствуетъ о высочайшихъ тайнахъ вѣры нашъ святой отецъ, и съ какою ясностію излагаетъ трудныя для пониманія догматы христіанскіе. Изъ третьяго вѣка бесѣда противъ ереси Ноэта представляетъ самый замѣчательный памятникъ богословствующей мысли. Съ силою мысли въ ней соединяется и чистота христіанскаго пониманія, въ которомъ слышенъ голосъ вселенской церкви. Предметъ бесѣды относится къ области таинственнаго богословія, доступнаго для посвященныхъ. А между

тѣмъ какая въ ней прозрачность слова, въ которомъ темное дѣлается яснымъ, и трудно постижимое для нашего ума приближается къ нашему разумнѣю! Въ этомъ отношеніи св. Ипполитъ представляетъ примѣръ подражанія для нашихъ проповѣдниковъ, которые и объ обыкновенныхъ предметахъ говорятъ такъ, что ихъ далеко не все понимаютъ. Въ авторѣ виденъ глубокой знатокъ Писанія, старающійся все въ своемъ словѣ основать на немъ, и толкованіе мѣстъ Писанія, какія приводятся въ его бесѣдѣ,—толкованіе основательное, разумное и чистое, какое только можетъ быть у достойнаго представителя вселенской Церкви.

Все это будетъ яснѣе и понятнѣе, когда мы представимъ анализъ самой бесѣды.

Содержаніе бесѣды противъ ереси Ноеъта слѣдующее:

I. После краткаго свидѣнія о виновникѣ ереси Ноеътѣ и сущности его лжеученія, Ипполитъ показываетъ, на чемъ основывали ученики Ноеъта свой ложный догматъ. Они не хотѣли признавать трехъ Лицъ въ Божествѣ, а видѣли въ Немъ одно нераздѣльное Лице.

II. Уча такъ, они въ оправданіе свое приводили мѣста Писанія: *Азъ семя Богъ отецъ вашъ* (Исх. III, 6); *да не будетъ тебѣ боги инии развѣ Мене* (Исх. XX, 3). *Азъ первый и Азъ по сихъ, кромѣ Мене нѣсть Бога* (Ис. XLIV, 6). *Сей Богъ нашъ не смѣнитъ инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ тутъ хитрости и даде ю Иакову отроку своему, и Израилю возлюбленному отъ него. Но семя на земли явится, и съ человекомъ поживе* (Вар. III, 36—38). *Утрудися Египеть, и купи Египетскія и Саванетскія мужи высокои къ тебѣ придуть... и поклонятся тебѣ и въ тебѣ помятятся, яко въ тебѣ Богъ есть, и рекутъ: нѣсть Богъ развѣ Тебе. Ты бо еси Богъ, и не видѣхомъ, Богъ Израилевъ Спасъ* (Ис. XLV, 14). *Ихъ же отцы, и отъ нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 5).

III. На основаніи такихъ мѣстъ они выводять ложный и дерзкій догматъ, безстыдно говоря: Самъ Христосъ

Отець, Онъ же и Сынъ, Самъ родился, пострадалъ, Самъ возбудилъ Себя отъ мертвыхъ. Но это не такъ: Писаніе вѣрно говорить; но Поэтъ не понимаетъ его, и ложно толкуеть его.

IV. Приводитъ Поэтъ (говоритъ Иполитъ, приступая къ его опроверженію) мѣсто изъ пророка Исаіи: *труды Египтянъ и торювля Евіоплянъ и Савейцы, люди рослые къ тебѣ перейдутъ и будутъ твоими...* Но онъ оцуетилъ то, что сказано прежде, не понимая этого. Такъ всегда они обѣзкаютъ Писаніе, когда хотятъ дѣйствовать съ злымъ умысломъ. А выше сказано: *Вы спрашиваете Меня о будущемъ сыновей Моихъ, и хотите Мнѣ указывать въ дѣль рукъ Моихъ? Я создалъ землю, и сотворилъ на ней человека. Я—Мои руки распростерли небеса, и всему воинству ихъ далъ законъ Я. Я воздвигъ ея въ правдѣ и все пути ея правы... Онъ построитъ городъ Мой, и отпуститъ плыныя Моихъ за выкупъ, а не за дары, возоритъ Господь Саваоохъ (Ис. XLV. 12. 13).* О комъ говорить здѣсь Отець: Я воздвигъ его въ правдѣ? О Сынѣ. Что Отець воздвигъ Сына въ правдѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ апостоль Павель говоря: *аще Духъ воскресившаго Иисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигъ Христа отъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ духомъ Ею въ васъ (Рим. VIII, 11).* А слова Исаіи: *въ тебѣ Божъ (XLV, 14)* означаютъ тайну домостроительства, то есть, воплощенія, именно, что по воплощеніи и вочеловѣченіи Слова Отець былъ въ Сынѣ, и Сынъ, обращаясь съ людьми, былъ въ Отцѣ, и что отъ Духа Святаго и Дѣвы воплотилось Слово, единственный Сынъ Божій. Это не я говорю, но объ этомъ свидѣтельствуеть самъ Сшедшій съ неба говоря: *никтоже възде на небо, токмо сшедшій съ небесе Сынъ человѣчскій, сый на небеси (Іоан. III, 13).* Скажетъ ли онъ, что плоть была на небѣ? Кто же былъ на небѣ, если не Слово безъ плоти, которое потомъ пребыло на землѣ съ плотію, будучи въ тоже время и на небѣ?

V. Другое мѣсто приводитъ Поэтъ изъ Варуха: *Сей есть Богъ нашъ, и никто другой не сравнится съ Нимъ. Онъ нашелъ весь путь премудрости, и даровалъ ее отроку своему Иакову и возлюбленному своему Иерашлю* (Вар. III, 36, 37). Это вѣрно сказано. Но кто Иаковъ отрокъ Его, и Израиль возлюбленный Его, если не Тотъ, о которомъ Онъ восклицаетъ, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, Того послушайте* (Матѣ. XVII, 5; III, 17)? Получившій отъ Отца премудрость совершенный Израиль и истинный Иаковъ послѣ того явился на землѣ, и обращался между людьми (Вар. III, 38). Кто же Израиль, если не человекъ, видящій Бога? А видить Бога единственный Отрокъ и совершенный Человекъ, который одинъ повѣдаетъ волю Отца. Іоаннъ говорить: *Бога никтоже видѣ видѣже: едиnorodный Сынъ, сый въ ложи Отца, той исповѣда* (Іоан. I, 18). Ему собственно данъ Отецъ всякую премудрость, и Онъ явился на землѣ и обращался съ людьми.

VI. А слова апостола: *иже же отцы, отъ нилъ же Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Рим. IX, 15) прекрасно объясняютъ тайну истины. Тотъ, который выше всего, Богъ благословенный родился и сдѣлался человекомъ. Онъ Богъ во вѣки. Онъ (какъ говорить св. Іоаннъ) сый, и иже бы и грядый Вседержитель (Апок. I, 8). Справедливо назвалъ Его Вседержителемъ или всемогущимъ. Но Онъ не самъ Отецъ; ибо отличаетъ Себя отъ Отца. *Вся Мнѣ предана суть* (говорить) *Отцомъ Моимъ* (Матѣ. XI, 27). Онъ держитъ владычество надъ всемъ; но отъ Отца Христосъ получилъ владычество. Такъ училъ Апостолъ, когда говорить: *вся покорн подъ нозъ Его: внегда же рещи, яко вся покорена суть Ему, язь, яко разъ покориша Ему вся. Егда же покорить Ему всяческая, тогда и сль Сынъ покорится Покорившему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во всякъ* (1 Кор. XV, 23--28). Покорившій отличается отъ того, которому все покорено, кромѣ Отца. И Христосъ въ Евангеліи говорить: *возложу ко Отцу Мою и Отцу вашему, и Богу Мою и Богу вашему*

(Иоан. XX, 17). Если Нортъ смѣетъ говорить, что Онъ самъ Отецъ, къ какому же Отцу идетъ Онъ по слову Евангелія?

VII. Если же онъ скажетъ: Самъ Онъ сказалъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Иоан. X, 31), то пусть обратитъ вниманіе на то, что не сказалъ Христосъ: *Азъ и Отецъ едино есмь*, но *едино есма*. *Есма* не говорится объ одномъ. Въ этомъ выраженіи указаны два лица, но одно могущество и сила. Онъ самъ это изъяснялъ, когда сказалъ объ ученикахъ ко Отцу: *И Азъ славу, какъе далъ еси Мнѣ, далъ имъ: да будутъ едино, яко же и мы едино есмы. Азъ въ нѣхъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино, и да разуметь міръ, яко Ты Ми посла еси* (Иоан. XVII, 22, 23). Если же позтіане сошлется на слова Господа, сказанная въ отвѣтъ Филиппу на его вопросъ: *Господи, покажи намъ Отца, и довлеетъ намъ. Только время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе? Видѣвши Мене, видѣ Отца... Не зырущи азъ, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ естъ* (Иоан. XIV, 8—10), и скажутъ, что здѣсь утверждается ихъ догмагъ, и Самъ Христосъ признаетъ Себя Отцомъ, то обличеніе себѣ найдутъ въ самомъ же Иисавіи. Христосъ говорилъ и доказывалъ, что Онъ Сыиъ, и однако не познали Его, и не могли ни понять, ни видѣть силы Его, и вотъ Филиппъ, который не могъ понять того, что можно было видѣть, восхотѣлъ видѣть Отца. Поизгешъ послѣ этого смыслъ отвѣта Христова. „Если ты Мея видѣлъ, чрезъ Меня можешь познать Отца. Отецъ легко можетъ быть познать чрезъ образъ. Если же ты не позналъ образа, который есть Сыиъ, какъ же хочешь видѣть Отца“. Что это такъ, показываютъ мѣста, находящіяся въ томъ же Евангеліи и даже въ той же главѣ, гдѣ Онъ называетъ Себя Сыномъ, посланнымъ отъ Отца (Иоан. VI, 29. VIII, 16, 18), и гдѣ говоритъ, что, Онъ идетъ ко Отцу (Иоан. XIII, 1. XIV, 12).

VIII. Многое другое, даже все подтверждаетъ эту истину. Итакъ необходимо, хотя бы и противъ воли, исповѣдать Отца Бога всемогущаго, и Христа Иисуса Сына Бо-

жизн, Бога, содѣлавшагося человѣкомъ, которому Отецъ все покорилъ, кромѣ Себя самаго, и Духа Святаго, и сія подлинно три лица. Но если кто хочетъ знать, какимъ образомъ Богъ одинъ, пусть знаетъ, что одна сила или одно могущество Его. Что касается силы, то одинъ Богъ, а что касается домостроительства, троекое явленіе Его. Въ этомъ всѣ согласны. Одинъ Богъ, въ котораго должно вѣровать, не рожденный, безстрастный, бессмертный, который дѣлаетъ все, что хочетъ, какъ хочетъ и когда хочетъ. Что посмѣетъ связать на это Ноэтъ, не разумѣющій истины?

IX. Послѣ опроверженія Ноэта, Ипполитъ переходитъ къ объясненію и утверженію истины, противъ которой было и явилось столько и такихъ ересей. Богъ одинъ, котораго мы познаемъ, братіе, не отъиному, какъ изъ Священнаго Писанія.

X. Единый Богъ, не имѣвшій ничего совѣчнаго Себѣ, восхотѣлъ сотворить міръ, и сотворилъ міръ своею мыслію, волею и словомъ. Для насъ достаточно знать, что нѣтъ ничего, совѣчнаго Богу. Ничего не было кромѣ Его. Онъ былъ одинъ... Все въ немъ было: Самъ Онъ былъ все. Когда восхотѣлъ и какъ восхотѣлъ, показалъ въ опредѣленные Имъ времена Слово свое, чрезъ которое все сотворилъ. Все сотворенное Онъ устроилъ словомъ и мудростію,—словомъ творить, мудростію украшаетъ. Онъ родилъ Слово, Начало... вождя, Совѣтника и Творца всего сотвореннаго. Это Слово Онъ имѣлъ въ Себѣ, и Оно было невидимо сотворенному міру: потомъ Онъ дѣлаетъ Его видимымъ, произнося первый гласъ. Раждая свѣтъ отъ свѣта, Онъ явилъ твореніе Господа, умъ свой, который прежде былъ видимъ только Ему Самому, а міру былъ невидимъ. Его Онъ сдѣлалъ видимымъ, чтобы міръ могъ быть спасенъ чрезъ явленіе Его.

XI. Такимъ образомъ былъ при Немъ другой. Когда говорю: „другой“, говорю не о двухъ Богахъ; но одинъ отъ другаго, какъ свѣтъ отъ свѣта, и вода изъ источника, или лучъ отъ солнца. Одна сила во всемъ; все Отецъ, изъ котораго само Слово. Оно есть умъ, который, исходя въ

міръ, покажется отрокомъ Божиимъ. Итакъ все чрезъ Него, а самъ Онъ одинъ отъ Отца... Онъ далъ законъ и пророковъ, и давая ихъ, побуждалъ ихъ говорить чрезъ Духа Святаго, чтобы они, привявши вдохновеніе силы Отчей, возвѣщали совѣтъ и волю Отца.

XII. Обращаясь въ нихъ, Слово говорило о Себѣ самомъ. Оно было своимъ собственнымъ проповѣдникомъ, и показывало, что въ будущемъ Слово явится въ людяхъ. Такъ Оно восклицало: *Явленъ былъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ* (Ис. LXV, 1). Этотъ явленный или открывшійся не кто иной, какъ Слово Отца, какъ говорить блаженный Іоаннь. Повторяя сказанное пророками, онъ показываетъ, что чрезъ Слово все сотворено. Такъ онъ говоритъ: *Въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся Тьма быши, и безъ Него ничто же бысть еже бысть, и ниже: Міръ Тьма бѣсть. и міръ Его не позна. Во свѣтъ прїиде, и свѣтъ Его не призна* (Іоан. I, 1—3. 10—11). Если міръ чрезъ Него сотворенъ, какъ говоритъ пророкъ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася* (Исая. XXXIII, 6), то Слово чрезъ это открылось. Итакъ мы вѣруемъ въ воплощенное Слово, познаемъ чрезъ Него Отца; вѣруемъ въ Сына; поклоняемся Духу Святому...

XIV. Такъ учить насъ Писаніе. Это домостроительство передаетъ намъ Іоаннь въ Евангеліи. Онъ повѣдуетъ Слово Богомъ, говоря такъ: *Въ началъ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ было Слово* (Іоан. I, 1). Если Слово было у Бога, и было Богъ, то чтоже? Ужели скажеть кто нибудь, что Іоаннь говоритъ о двухъ Богахъ? И я говорю не о двухъ Богахъ; но объ одномъ. Два лица, а третье — благодать Святаго Духа. Отець одинъ, а лица два; потому что есть и Сынъ; а третіе Духъ Святый. Согласное домостроительство сводится къ одному Богу, ибо одинъ Богъ, — Отець, который повелѣваетъ, и Сынъ, который повинуется, Духъ Святый, который сообщаетъ знаніе. Отець *надъ всеми,*

Сынъ чрезъ всѣхъ, Духъ Святый во всѣхъ (Еф. IV, 6). Иначе мы не можемъ разумѣть единого Бога, какъ въруая въ Отца и Сына и Святаго Духа. Господь по воскресеніи эту въру передалъ ученикамъ, говоря: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѣ. XXVIII, 19). Онъ показалъ, что кто одного изъ сихъ оставитъ, тотъ не прославитъ Бога надлежащимъ образомъ.

XV. Но скажетъ кто нибудь: странное ты возвѣщаешь, называя Слово Сыномъ. Іоаннъ же, когда говоритъ о Словѣ, иначе понимаетъ. Имподитъ представляетъ, что Іоаннъ не иначе поймасть. Указывая Слово Божіе, которое было начала и теперь послано, онъ послѣ говоритъ въ Апокалипсисѣ: *И видѣхъ небо отверсто: и се конь бѣгъ, и седящій на немъ върнъ и истиненъ, и правосудный и вѣщественный... и мнѣи имя написано, еже никто же въсть, точю онъ самъ. И облеченъ въ ризу червлєну кровію: и нарицается имя ею, Слово Божіе* (Апок. XIX, 11—13). Одежда червлєная кровію символически означаетъ плоть, въ которой безстрастное Слово Божіе пришло для подвѣтїа страсти, согласно съ свидѣтельствами пророковъ (Мих. II, 7. с). На это указываетъ и блаженный Павелъ, когда говоритъ: *Какъ законъ, ослабленный плотію, былъ безсиленъ, то Богъ послалъ Сына Своєго во подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ, и осудилъ грѣхъ во плоти* (Рим. VIII, 3). Какого же Сына Богъ послалъ во плоти, если не Слово, которое отъ начала Онъ назвалъ Сыномъ потому, что Онъ имѣлъ званіе такимъ. Называясь Сыномъ, Онъ принимаетъ общее имя изъ-за любви къ людямъ. Слово само по себѣ и безъ плоти не было совершеннымъ Сыномъ, будучи совершеннымъ Словомъ, Единороднымъ. И плоть сама по себѣ безъ слова не могла составить полной личности; потому что въ Словѣ или соединеніи съ Словомъ она пребывала и получила свою полноту. Такимъ образомъ явился единый Сынъ Божій совершенный.

XVI. Кромѣ этихъ есть много другихъ свидѣтельствъ о воплощеніи Слова. Сила Божія, Слово Отца визошло съ неба а не самъ Отецъ. Такъ говоритъ: *И послъ оубъ Отецъ*

и придетъ въ миръ; и какъ оставляю мѣръ, и иду ко Отцу (Иоан. XVI, 28). Что произошло отъ Отца и рождено отъ Него, если не Слово? Какъ рождено? Ты не можешь изъяснить, какъ ты рожденъ, хотя каждый день ты видишь дѣла человѣческія, но не можешь совершенно объяснить образа рожденія человѣческаго. Нельзя тебѣ познать искусство Творца, видимое въ опытѣ, но можно только видя понимать и вѣрить, что человѣкъ есть дѣло Божіе. А спрашиваешь ты объ образѣ рожденія Слова? Родилъ Его Богъ Отецъ, какъ восхотѣлъ. Не довольно ли тебѣ знать, что Богъ сотворилъ мѣръ? А какъ сотворилъ, зачѣмъ изслѣдовать? Не довольно ли тебѣ знать, что Сынъ Божій явился для спасенія твоего, если ты впрочемъ этому вѣришь? Зачѣмъ вывѣдывать, какъ Онъ рожденъ по Духу? Разсказать и о рожденіи Его по плоти вѣрено не болѣе, какъ двумъ; а ты осмѣливаешься изслѣдовать рожденіе Его по Духу, которое Отецъ у Себя сохраняетъ, имѣя открытъ его святымъ, которые удостоены видѣть лице Его?

XVII. Эпихъ свидѣтельство достаточно для вѣрныхъ, ищущихъ истины; а невѣрные никакому свидѣтельству не вѣрятъ. Духъ Святѣй въ лицѣ апостоловъ свидѣтельствуемъ, говоритъ: *Господи кто твои слышу ишесту* (Де. III, 1)? Посему не будемъ невѣрными, чтобы не исполнилось въ насъ сказанное. Будемъ вѣрить по преданію апостоловъ, что Богъ Слово сошелъ съ неба во святую Дѣву Марію, чтобы воплотившись, взявши душу человѣческую, причастную разума, сдѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ, исключая грѣха, спасти Адама падшаго и даровать безсмертіе людямъ, вѣрующимъ во имя Его. Во всѣхъ мѣстахъ намъ показано слово истины, что одинъ Отецъ, у котораго пребываетъ Слово, чрезъ которое Онъ все сотворилъ, которое въ послѣднія времена Отецъ послалъ для спасенія людей. О Немъ законъ и пророки проповѣдывали, что Онъ придетъ въ мѣръ. Какъ проповѣдано, такъ и исполнилось: отъ Дѣвы и Святаго Духа явился полный человѣкъ, имѣющій небесное, какъ Отчее Слово, — и земное

отъ древняго Адама, какъ воплощенный отъ Дѣвы. Такимъ образомъ пришедши въ міръ, явился Богъ во плоти, будучи совершеннымъ человѣкомъ; ибо Онъ не чрезъ призракъ или измѣненіе, но истинно сдѣлался человѣкомъ.

XVIII. Будучи Богомъ, Онъ не отказывается отъ чело-
вѣческаго: алчетъ и утомляется, и утомляясь жаждетъ, устра-
шается бѣжить, молясь скорбитъ, и спитъ на изголовьи, имѣя
неусыпную природу, какъ Богъ, — отказывается отъ чаши
страданій, пришедши для того въ міръ, въ тугѣ обливается
потомъ и отъ Ангела укрѣпляется укрѣпляющей вѣрующей
во имя Его... Иудеями пригвождается ко кресту Утвердивый
небо яко камару; восклицая ко Отцу, предастъ Онъ Ему
духъ свой, будучи неотдѣлимъ отъ Отца... Все же Онъ
сдѣлалъ для насъ, для насъ сдѣлавшись такимъ же, какъ и
мы. *Ибо грѣхи наша носятъ и о насъ болѣзнуютъ* (Ис. LIII,
4). какъ сказалъ Исаія пророкъ... Сей есть Іисусъ Назаря-
нинъ, который на бракѣ въ Канѣ Галилейской претворилъ
воду въ вино, который укротилъ взволнованное море, хо-
дилъ по водѣ, какъ по сушѣ, даровалъ зрѣніе слѣпому отъ
рожденія, воскресилъ отъ мертвыхъ Лазаря на четвертый
день по смерти, творилъ различныя чудеса, отпущалъ грѣ-
хи... Изъ-за Него солнце померкло, и день пересталъ свѣ-
тить, разсѣлись камни, разорвалась завѣса, поколебались
основанія земли, открылись гробы и воскресли мертвые...
Онъ дуповеніемъ даетъ ученикамъ Духа, и входитъ къ нимъ,
при затворенныхъ дверяхъ. Онъ, въ виду Апостоловъ, взять
облакомъ на небо, и сѣдигъ одесную Отца и имѣеть придти
судить живыхъ и мертвыхъ. Онъ Богъ и для насъ сдѣлался
человѣкомъ, которому Отецъ покорилъ все. Ему слава и
держаса со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во святой Церкви,
и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда, содержаніе которой мы представили, большею
частью словами самаго же Ипполита, является, какъ мы замѣ-
тили выше, замѣчательнѣйшимъ памятникомъ православнаго

богословствованія третьяго вѣка. Но нѣкоторые ученые¹⁾ стараются отгнать нѣныя мысли и выраженія, въ ней встрѣчающіяся, и выводятъ изъ нихъ заключеніе, будто пониманіе Ипполитомъ разъяснимаго имъ высочайшаго догмата вѣры не совпадаетъ съ пониманіемъ вселенской Церкви. Такъ говорятъ, что Ипполитъ, признавая Слово лицемъ, отличнымъ отъ Отца, не считалъ Его совѣчнымъ Отцу. Къ такому представленію могло подать поводъ выраженіе Ипполита (въ X главѣ бесѣды): „Единый Богъ, не имѣвшій ничего совѣчнаго Себѣ, восхотѣлъ сотворить міръ... Когда восхотѣлъ и какъ восхотѣлъ, показалъ Онъ *въ опредѣленные Имъ времена* Свое Слово, чрезъ которое все сотворилъ“²⁾. Но по смыслу рѣчи, и по связи представленій, стоящихъ въ ряду между собою, это показаніе Слова въ опредѣленные времена относится не къ предвѣчному рожденію Слова, а къ явленію Его или къ обнаруженію силы Его въ міръ. Ипполитъ Бога не мыслитъ безъ Слова. Въ той же главѣ, изъ которой мы привели выраженіе, кажуцееся для иныхъ соблазнительнымъ, чрезъ нѣсколько пунктовъ отъ этого выраженія, мы изгнѣчаемъ разъясненіе, которое должно бы устроить нареканіе на Ипполита за неправильное толкованіе догмата о Троицѣ, и въ частности за мнѣніе о несовѣчномъ будго бы Отцу вѣчностномъ существованіи Слова. „Это Слово (разъясняетъ Ипполитъ) Богъ имѣлъ (отъ вѣка), и Оно было невидимо ссворенному міру, потому Онъ сдѣлалъ Его видимымъ, прозвонси первый гласъ. Рождая сѣгъ отъ свѣта, Онъ явилъ творенію Господа, — Умъ свой, который прежде былъ видимъ только Ему Самому, а міру былъ невидимъ. Его Онъ сдѣлалъ видимымъ, чтобы міръ могъ быть спасенъ чрезъ явленіе Его“.

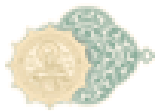
Другое неправильное представленіе изъ бесѣды Ипполита выводятъ то, будто онъ отношеніе Слова ко Отцу

¹⁾ Dollinger Hippolytus und Kallistus S. 219

²⁾ Patr. e. e. t. X, col. 814.

опредѣлять не какъ отношеніе полного равенства, а какъ отношеніе строгаго подчиненія. Такой выводъ дѣлають изъ словъ Ипполита въ XIV главѣ бесѣды: „Однѣнъ Богъ, — повелѣвающій Отець, повинующійся Сынъ, сообщающій знаніе Духъ Святый“¹⁾. Такое различеніе между лицами пресвятой Троицы дѣлаетъ Ипполитъ, не думая тѣмъ опредѣлять ихъ непостижимую личную уюстасть, но указывая ихъ различное участіе въ дѣлѣ божественнаго домостроительства. Указаніе на повиновеніе Сына повелѣнію Отца имѣетъ приложеніе собственно къ божественному посланничеству втораго Лица сятаго Троицы, именно Сына, въ міръ для совершенія дѣла искупленія. Называетъ Отца повелѣвающимъ, а Сына повинующимся, Ипполитъ въ этомъ случаѣ обогаетъ вѣрными словами самаго Господа. Господь очень часто говорилъ объ Отцѣ, пославшемъ Его (Іоанн. III, 17. V, 36--7. VI, 47-57 VIII, 16. 26), а о Себѣ и о своихъ дѣлахъ свидѣтельствовалъ, что Онъ исполняетъ волю Пославшаго Его: *не ищу воли Моєи* (говорилъ Онъ) *но воли Пославшаго Мя Отець* (Іоанн. V, 30) Онъ пріемъ говорилъ, что получилъ отъ Отца повелѣніе или заповѣдь, и исполняетъ то, что Ему заповѣдано *Сего ради Мѣ Отець любитъ* (передаетъ намъ Его слова св. евангелиста Іоаннъ Богословъ), *яко Азъ душу Мою полагаю, да неки пріемлю*. *Сію заповѣдь пріялъ отъ Отца Моєго* (Іоанн. X, 17--19). *Азъ не отъ Себе моголахъ, но послалый Мя Отець, той Мнѣ заповѣдь даде, что рещу и что возмолю* (Іоанн. XII, 49) *Яко же заповѣди Мнѣ Отець, тако творю* (Іоанн. XIV, 31). Въ виду такихъ выраженій самаго Господа, записанныхъ для насъ въ Евангеліи, странно обвинять Ипполита въ уклоненіи отъ чистоты православія за то, что онъ называетъ Отца повелѣвающимъ, а Сына повинующимся. Подобныя выраженія объ отношеніи Отца къ Сыну и Сына ко Отцу встрѣчаются и у другихъ отцовъ, даже жившихъ послѣ Никейскаго собора, точно опредѣлившаго отношеніе Сына ко

¹⁾ Р. с. с. т. X, col. 821.

Отцу, и бывшихъ главными противниками аrianской ереси, представители которой не признавали единосущія Сына со Отцомъ, и ставили Сына въ подчиненное отношеніе къ Отцу, именно, св. Аѳанасія Александрійскаго, св. Василія Великаго, св. Платіа Пиктавійскаго и другихъ.

Другая бесѣда, дошедшая до насъ въ полномъ видѣ отъ Ипполита, есть слово на Богоявленіе (*Λόγος εἰς τὰ ἐπιφάνεια Θεοφανεία*). Это слово въ первый разъ издалъ Фабрицій (1716—8), вмѣстѣ съ другими твореніями св. Ипполита, получивъ греческій списокъ его изъ кодекса Фомы Галлея, и приложивъ въ подлинному тексту латинскій переводъ. Съ изданіемъ Фабриція оно печаталось впоследствии другими издателями греческихъ твореній. Въ греческомъ текстѣ и латинскомъ переводѣ помещено оно въ X томѣ *Patrologiae cursus completus* (col. 851—862). Былъ и русскій переводъ его: онъ напечатанъ въ Христіанскомъ Чтеніи 1833 г. (ч. I, стр. 8—22).

Слово на святое Богоявленіе, какъ и бесѣда противъ Нестора, не наименовано въ числѣ сочиненій Ипполита ни у Евсевія, ни у Иеронима, ни на мраморномъ камнѣтвикѣ; но имеемъ Ипполита оно надписывается въ древнихъ рукописныхъ кодексахъ, и съ именемъ его въ древнихъ манускриптовъ перешло въ печать. Въ немъ нѣтъ ничего, могущаго заподозрять его подлинность, и общая мысль его вполне согласна съ тѣмъ ученіемъ, какое раскрываетъ Ипполитъ въ бесѣдѣ противъ ереси Нестора и другихъ сочиненіяхъ. Нѣкоторые ученые, по заявленію бесѣдникцевъ конгрегаціи св. Мавра¹⁾, склонны были отождествлять это слово съ бесѣдою въ похвалу Господа Спасителя, о которой упоминаетъ Иеронимъ. Но такая догадка не можетъ быть принята. Слово на Богоявленіе по содержанію не можетъ быть названо словомъ въ похвалу Господа Спасителя. При томъ, по свидѣтельству Иеронима, въ бесѣдѣ въ похвалу Господа Спасителя есть указаніе на то, что въ числѣ

¹⁾ Hist. lit. de la France, t. I, part. I, p. 370

слушателей ея, когда она говорена была въ церкви, между прочимъ былъ и Оригенъ. Но въ словѣ на Богоявленіе нѣтъ никакого намека на это.

Слово на Богоявленіе, по своему характеру и складу, не похоже на оригеновскую бесѣду. Оригеновская бесѣда не имѣетъ стремленія къ ораторскому изложенію, а раскрываетъ смыслъ Писанія,—буквальный, нравственный и аллегорическій,—простымъ языкомъ, чуждымъ риторическихъ прикрасъ. Слово Ипполита не чуждо риторической искусственности, и да око отъ простоты оригеновскаго изложенія. Оно принадлежитъ, по своему изложенію, къ разряду тѣхъ проповѣдей, которыя, въ отличіе отъ простыхъ изъяснительныхъ бесѣдъ, въ греческомъ языкѣ носили названіе *λόγος*. На этотъ риторически-искусственный характеръ ея указывали древніе литературные критики, которые къ слову дѣлали замѣчаніе о виѣшемъ строѣ ея. Такъ у Реми Селье¹⁾ мы читаемъ таковой отзывъ о словѣ на Богоявленіе: „эта бесѣда излишна, изидательна и достойна святаго епископа; она довольно обработана и имѣетъ такую виѣшнюю отдѣлку, каковой обыкновенно не имѣютъ бесѣды древнихъ“.

Въ словѣ есть присугубъ, напоминающій собою вступленія рѣчей, писанныхъ по правиламъ тогдашней ретирики. Оно написано одушевленнымъ стилемъ и выходитъ изъ обихихъ отдаленныхъ мыслей, не имѣющихъ прямого отношенія къ объясняемому событію. Въ немъ²⁾ авторъ прослав-

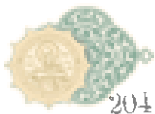
¹⁾ Hist. generale des auteurs sacres et ecclesiast. T. II. ch. XXVII, p. 329

²⁾ Чтобы познать читателя съ характеромъ рѣчи Ипполита въ его бесѣдѣ на Богоявленіе, мы представляемъ его начало: Все, что сотворилъ Богъ и Спаситель нашъ, все, что только видѣть око и о чемъ размышляеть душа, что изслѣдывать мысль и виѣщать природа человѣчская, все это хорошо, и весьма хорошо. Ибо что прекраснѣе небесной тверди? Что разноцвѣтнѣе земной поверхности? Что блестянѣе теченія солнечнаго? Что пріятнѣе дуннаго сѣни? Что удивительнѣе многосложной стройности свѣтила небесныхъ? Что плодотворнѣе благовременныхъ вѣтровъ? Что прозрачнѣе дневнаго свѣта? Каковъ изъ животныхъ пресвободнѣе человѣка?—Такъ все, что сотворилъ Богъ и Спаситель нашъ, весьма хорошо. Равнымъ образомъ, какой даръ столько для насъ

яетъ многообразныя дѣла Творца, видимыя нами въ природѣ, и изъ даровъ Творца съ особеннымъ вниманіемъ оставливается на водѣ, и при этомъ показываетъ тѣ блага, какія всему въ природѣ приноситъ вода, и то значеніе, какое она имѣетъ въ экономіи мірозданія. Но естественное достоинство воды, по соображенію оратора, еще болѣе возвышается отъ того, что самъ Творецъ всѣхъ вещей—Христосъ ниспелъ, какъ дождь (Ос. VI, 3), познавъ былъ, какъ источникъ (Іоани. IV, 14), распространился, какъ рѣка (Іоан. VII, 38), и что Онъ крестился во Іорданѣ, и по собственному благоизволенію въ водѣ совершилъ тайну нашего спасенія.

Послѣ такихъ мыслей, служащихъ введеніемъ къ слову, авторъ приступаетъ къ изображенію событія, воспоминаемаго въ день Богоявленія, именно, Крещенія Господа Іисуса Христа отъ Іоанна во Іорданѣ. Объ этомъ событіи проповѣдникъ говоритъ, держась евангельскаго сказанія о немъ. Но мы видимъ или читаемъ здѣсь не простое толкованіе Писанія, но краснорѣчивый перифразъ его, съ догматическими дополненіями и разъясненіями. Сначала авторъ влагаетъ въ уста Предтечи и Крестителя Господня довольно длинную рѣчь, въ которой святой Іоаннъ разъясняетъ народу, что онъ не Христосъ, и показываетъ свое отношеніе къ Христу Господню. Затѣмъ, когда Господь является къ нему въ простомъ видѣ, и преклоняетъ главу свою, чтобы принять отъ него крещеніе, Іоаннъ удерживаетъ Его отъ этого, и проповѣдникъ слова Іоанна: *Азъ требую Тебѣю креститися, и Ты ли ирядши ко мнѣ* (Матѣ III, 14)?—распространяетъ на цѣлую страницу. Тоже самое онъ дѣлаетъ затѣмъ, перифразируя слова Господа: *остави нынѣ; тако бо подобаетъ*

необходимъ, какъ вода? Водѣ все и омывается и чистится, и очищается и оршается. Вода содержитъ землю, производитъ росу, увеличиваетъ виноградъ, приводитъ къ фрілости камы, истребляетъ горечь въ виноградныхъ плодахъ, смягчаетъ маслину, услаждается камычу, украшаетъ розу, вспеняетъ цвѣтами флакку, пиваетъ въ прекрасной ободочкѣ лилію. Но для чего говорить много? Безъ вещества воднаго ничто изъ видимаго намъ не можетъ существовать... Христ. Чт. 1883. Ч. I, стр. 8—9.

намъ исполнити всяку правду (Матѣ. III, 15). Послѣ того мы читаемъ богословствованіе Исполита по поводу явленія, бывшаго при крещеніи Господа на Іорданѣ, описаннаго въ Евангеліи: *се отверзшася Ему небеса, и видѣ Духа Божія сходяща яко голубя, и грядуща на Него. И се гласъ съ небесе, глаголю: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Матѣ. III, 16. 17).

Итакъ крещеніе Господа Іисуса Христа и тайна домостроительства Божія, открытая въ этомъ событіи, составляетъ предметъ слова на Богоявленіе. Историческая часть здѣсь соединяется съ догматическою, и догматическая часть, именно раскрытіе тайны домостроительства, важнѣе части исторической. Въ догматической части проповѣдникъ сначала изображаетъ плоды или великія блага, какія дарованы намъ чрезъ крещеніе Спасителя. Господь, когда крестился, богословствуетъ св. Исполитъ, „обновилъ ветхаго человѣка, и возвратилъ ему царственное право усыновленія. Доселѣ небеса были заключены; вышняя область оставалась неприступною. А когда крестился Господь, тогчасъ же *отверзшася небеса* (Матѣ. III, 16). Послѣдовало примиреніе видимаго съ невидимымъ; возвеселились небесные зины, уврѣчивались земныя немощи, открылось сокровенное, увеличилось вѣдѣ...“⁴. Цѣль богословской точности въ изображеніи плодовъ крещенія. Не крещеніе, а страданія Спасителя послужили къ примиренію видимаго съ невидимымъ. Но проповѣдникъ созерцаетъ здѣсь вачало обнаруженія великаго дѣла Божія, при которомъ открылось, кто такой пришедшій принять крещеніе отъ Іоанна, и указываетъ плоды явленія Божія на землѣ.

Главная тайна, къ которой склоняетъ вниманіе слушателей, и которую разъясняетъ проповѣдникъ въ своемъ словѣ, — тайна воплощенія Единороднаго Сына Божія. Когда онъ показываетъ божественное достоинство воплотившагося, то слова его, сюда относящіяся, напоминаютъ его богословствованіе въ бесѣдѣ противъ Пелла, и видно, что проповѣд-

что слово это произнесено было предъ язычниками. Здѣсь дѣйствительно есть обращеніе къ невѣрующимъ, приглашающее ихъ къ купели крещенія. „Гласомъ проповѣдника зываю (читаемъ мы въ этомъ словѣ): придите всѣ племена языковъ къ безсмертію, даруемому въ крещеніи. Я благовѣствую жизнь вамъ, сѣдящимъ во тьмѣ невѣдѣнія. Придите отъ работы къ свободѣ, отъ тиранніи къ царству, отъ тлѣнія къ нетлѣнію. Но какъ, скажете, мы придемъ? Какъ? Водю и Духомъ Святымъ... Итакъ приступи, человекъ; возродись, дабы получить усыновленіе Богу“... Подобныя увѣщанія, конечно, относятся къ невошедшимъ въ ограду церкви чрезъ крещеніе. Но не къ нимъ, по крайней мѣрѣ не къ нимъ однимъ сказано это слово. То высокое богословствованіе, какое здѣсь встрѣчается, раскрывающее таинственный догматъ христіанскій, предполагаетъ въ слушателяхъ людей, уже знакомыхъ съ сущностію христіанскаго ученія. Но между ними могли быть и не крещенные, и вовсе не причастные еще истинной вѣрѣ. Въ древнее время проповѣдь говорила на литургіи оглашенныхъ, тотчасъ послѣ прочтенія Евангелія, и присутствовать на этой части богослуженія, равно какъ и слушать проповѣдь могли всѣ,—вѣрующіе, принявшіе крещеніе, только оглашаемые въ вѣрѣ и говорящіеся къ крещенію, и даже невѣрующіе іудеи и язычники. Послѣднихъ въ собраніи могло быть меньшинство; не когда они были, хотя и не въ значительномъ числѣ, къ нимъ умѣстно было такое обращеніе проповѣдника, какое мы читаемъ въ словѣ Ипполита на Богоявленіе. Отъ присутствующихъ въ церкви оно посредственнымъ образомъ могло быть передано и другимъ отсутствующимъ. Съ кафедръ церковной ревностный проповѣдникъ могъ дѣлать приглашеніе къ купели крещенія, какъ источнику нашего спасенія, всѣмъ, и ближнимъ и дальнимъ, до кого только дойдетъ его слово.

Кромѣ разобранныхъ вами двухъ словъ, отъ Ипполита дошли до насъ только отрывки изъ разныхъ проповѣдей

его. Но эти отрывки слишкомъ кратки и малы по объему для того, чтобы по нимъ можно было возстановить цѣло тѣхъ произведеній, изъ которыхъ они взяты. Кроме того, они сохранились совершенно случайно, бывъ приведены церковными писателями, и главнымъ образомъ Θεодоритомъ, какъ свидѣтельства древнихъ отцовъ въ защиту извѣстнаго положенія, ими защищаемаго. Поэтому они не могутъ представлять твердаго основанія для безошибочной и полной характеристики проповѣдничества св. Иполита. Но они даютъ достаточную посылку по крайвей мѣрѣ для двухъ выводовъ, хотя довольно общихъ по содержанию, но далеко не лишнхъ и не незначительныхъ, при отсутствіи другихъ данныхъ для воспроизведенія живаго проповѣдническаго образа нашего отца. Впервыхъ, всё, сохранившееся до насъ, отрывки проповѣдей Иполита, за исключеніемъ двухъ, взяты изъ бесѣдъ на разные книги Священнаго Писанія, — книги Царствъ, Псалмы, Пѣснь Пѣсней, книги пророка Исаіи и Данила, на Евангеліе отъ Маттея (о раздѣленіи талантовъ, гл. XXV, 14—30), и на Евангеліе отъ Луки (о двухъ разбойникахъ XXIII, 32—43). Это очевидное доказательство того, что господствующимъ родомъ поученій у св. Иполита, подобно другимъ, ему современнымъ, отцамъ, была изяснительная бесѣда, и что Иполитъ, являясь на церковной кафедрѣ, большею частію предлагалъ народу толкованія разныхъ книгъ Священнаго Писанія, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завета, подражая въ этомъ случаѣ, по замѣчанію Фотія¹⁾, вліятельнѣйшему изъ церковныхъ писателей III вѣка — Оригену. Во вторыхъ, содержаніе всѣхъ отрывковъ изъ бесѣдъ Иполита догматическаго характера, и въ частности большинство изъ нихъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ уясненію тайны воплощенія Бога Слова, въ виду тѣхъ джеученій, какія являлись по этому предмету въ его время. Сопоставляя содержаніе сохранен-

¹⁾ Biblioth., cod. CXXI.

ныхъ извлеченій изъ бесѣды Ипполита съ содержаніемъ словъ его, дошедшихъ до насъ въ позпомъ видѣ, мы имѣемъ право заключать, что пункты вброученія обращали на себя особенное вниманіе нашего проповѣдника и что область вброученія онъ считалъ нужнымъ и старался разъяснять гораздо болѣе, чѣмъ область вправоученія, вызывавшую менше вопросовъ и споровъ. Потому-то и не дошло до насъ бесѣды или отрывковъ изъ бесѣды Ипполита съ нравственнымъ или практическимъ содержаніемъ.

Въ особенности св. Ипполитъ часто склоняется своимъ проповѣднымъ словомъ къ наименованію и уясненію ученія о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ есть Богъ и человѣкъ вмѣстѣ. Это, можно сказать, главный предметъ его богословствующей мысли. Мы видѣли, какъ разбирались онъ этотъ предметъ въ бесѣдѣ противъ ереси Нобта. Сохранившіеся отрывки изъ его бесѣды показываютъ, что этому предмету посвящена была не одна эта бесѣда, а и весьма многія другія. Его касался онъ 1) въ бесѣдѣ *о раздѣленіи талантовъ*; Теодоритъ читалъ здѣсь обличеніе современныхъ Ипполиту еретиковъ, изъ которыхъ „одни видѣли во Христѣ простаго человѣка, отвергая божество Его, а другіе наоборотъ, исповѣдуя Его Богомъ, отвергали Его человечество, и учили, что Онъ призрачнымъ образомъ явился человѣкомъ предъ глазами видящихъ, не будучи на самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Такъ отвергаютъ воплощеніе Маріаншъ, Валентинъ и гностики, стѣбляя Слово отъ плоти“¹⁾. Къ исповѣданію тайны воплощенія Бога Слова 2) относится отрывки изъ бесѣды на Евакану и Анну²⁾. Въ одномъ изъ нихъ проповѣдникъ обращается къ Самуилу, и говоритъ ему: „Приведи мнѣ, Самуилъ, юницу въ Вилосемъ, и покажи Царя, рожденнаго отъ Давида, покажи Его, помазаннаго отъ Отца въ царя и священника“. Въ другомъ онъ обращается въ просьбѣ къ Пресвятой Богоматери: „Скажи мнѣ, о блаженная

¹⁾ Patr. e. compl. T. X, col. 868. Theodoriti Dial. II, c. XXVII, p. 121.

²⁾ Patr. e. e. t. X, col. 861. Theod. Dial. I, c. XIX, p. 407.

Маріи, что зачала ты во чревъ, и что носила въ дѣвственной утробѣ? Это было перворожденное Слово Божіе, нисшедшее въ тебя съ неба, и образовавшееся во утробѣ въ перворожденного человека; перворожденное Слово Божіе явилось соединеннымъ съ перворожденнымъ человекомъ¹⁾.

3) Также матерія раскрывается въ отрывкѣ изъ бесѣды на слова XXII псалма: *Господь посетъ мя*. Здѣсь авторъ, пользуясь аллегорическимъ способомъ толкованія Писанія, указываетъ образъ необыкновеннаго рожденія Господа въ кивотѣ завета и скинии свидѣнія. „Кивотъ отъ древъ негниющихъ означалъ самаго Спасителя. Этимъ негниющимъ кивотомъ и скиніею свидѣнія, не причастною тлѣнію, означалось рожденіе, не причастное никакому грѣху. Ибо кто согрѣшилъ, тотъ исповѣдуетъ говори: *воззмердѣша и сошнша раны моя, отъ лица безумія моего* (Псал. XXXVII, 6). А Господь былъ не причастенъ грѣху, изъ древъ негниющихъ во человечеству, то есть, отъ Дѣвы и Святаго Духа, извнутри и извнѣ убранный какъ бы чистѣйшимъ золотомъ Слова Божія²⁾“.

4) Въ бесѣдѣ *о двухъ разбойникахъ*, упоминая о смерти Христовой, св. Иполитъ разъясняетъ, что „тѣло Христово, и умерши по человечески, имѣеть въ себѣ великую силу жизни. Изъ него истекло то, что не истеваетъ изъ мертвыхъ тѣлъ, именно кровь и вода, чтобы мы знали, какая могущественная сила жизни обитала въ тѣлѣ, и что Его тѣло не похоже на другія мертвыя тѣла, но намъ можетъ изливаетъ силу жизни³⁾“.

5) Въ бесѣдѣ на Пѣснь Пѣсней⁴⁾ св. Иполитъ указываетъ тѣ блага или то спасеніе, какое принесло намъ Воплощенное Слово. „Господь (говоритъ онъ) погибшаго человека, сотвореннаго изъ земли и связаннаго узами смерти, осво-

¹⁾ Patr. c. c. t. X, col. 864—5. Theod. Dial. I, c. XIX, p. 106.

²⁾ Patr. c. c. t. X, col. 867—8. Theod. Dial. III, c. XXI, p. 108—9.

³⁾ Patr. c. c. t. X, col. 865—6. Theod. Dial. II, c. XXVII, p. 122—3.

бодилъ изъ преисподняго ада. Пришедши свыше, Онъ поднялъ на высоту лежащаго долу. Онъ благовѣстникъ мертвыхъ, искупитель душъ и воскресеніе мертвыхъ. Онъ явился помощникомъ связаннаго челоуѣка, — сдѣлавшись подобнымъ ему; перворожденное Слово посѣщаетъ въ Дѣвѣ праотца Адама, Духовный изыскиваетъ земнаго въ матерней утробѣ, вѣчно Живой — умершаго чрезъ непослушаніе; Небесный зоветъ земнаго въ горня; Благородный хочетъ одарить свободою раба чрезъ собственное повиновеніе. Онъ обращаетъ въ адамантъ челоуѣка, разрѣшившагося въ землю и сдѣлавшагося пищею змѣя, и его, повѣшеннаго на древѣ, объявляетъ господиномъ надъ побѣдителемъ, и такимъ образомъ чрезъ древо оказывается побѣдоносцемъ⁴. Тѣ, которые не знаютъ воплощеннаго Сына Божія (читаемъ мы въ другомъ отрывкѣ изъ той же бесѣды) познаютъ Его, когда Онъ явится судіею во славу⁵. 6) Въ отрывкѣ изъ бесѣды на XXIII псаломъ проповѣдникъ описываетъ вознесеніе Господа съ плотію на небо: „Приходитъ Онъ (говорятъ Иполитъ) къ небеснымъ вратамъ, въ соугетвіи ангеловъ; и заключены были врата небесныя. Ибо никогда не восходила еще на небо, и теперь въ первый разъ является славою небеснымъ плоть, восходящая горѣ. Потому ангелы, текише впереди Спасителя и Господа, говорятъ властямъ: *Возмите врата князи ваши, и возмнется врата вѣщия: и увидите Царя славы* (Псал. XXIII, 9)⁶“. Сюда же, къ догмату о воплощеніи, относятся менѣе значительныя по содержанію отрывки 7) изъ бесѣды на начало книги пророка Исаи, гдѣ авторъ упоминаетъ о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ жизнь или міръ, чтобы поколебать и разогнать заблужденіе⁷), и 8) изъ бесѣды на Пасху, гдѣ указывается на божественную силу и вездѣсущіе Господа, и вмѣстѣ на Его

¹) Patr. e. e. t. X, col. 609—610. Theodor. Dial. II, c. XXVII, col. 124.

²) P. e. e. t. X, col. 865—6. Theod. Dial. I, c. XIX, p. 107.

чезовѣчество и посланичество отъ Отца для совершенія дѣла спасенія¹⁾).

Изъ сохранившихся до насъ отрывковъ, заимствованныхъ изъ бесѣдъ Ппополита, только два не имѣютъ отношенія къ догмату о божествѣ Сына Божія и Его воплощенія. Эти два касаются другаго догматическаго пункта, къ которому также любила склоняться мысль нашего отца, равно какъ и его современниковъ. Этотъ пунктъ — послѣднія времена, какими должна заключиться наша исторія, и та судьба, какая ожидаетъ насъ всѣхъ послѣ смерти. Господу угодно покрыть темною завѣсою отъ любопытной мысли будущее, ожидающее насъ и міръ нашъ. Намъ открыто, что будетъ судъ по смерти, что всѣ умершіе воскреснутъ, и что праведный Судія каждому воздастъ по дѣламъ его. Но когда будетъ конецъ міра и послѣ него страшный судъ, что будетъ ему предшествовать, какъ онъ будетъ производиться и т. под., — эти подробности оставлены для насъ во мракѣ таинственности. Апостолы, воспринимая уроки своего небеснаго Учителя, не разъ просили у Него разъясненія темныхъ судебъ будущаго, ожидающихъ насъ (Матѳ. XXIV, 3; Дѣян. 1, 6), но Господь оставилъ безъ отвѣта пытливые вопросы, и замѣтилъ своимъ ученикамъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отець положи въ своей власти* (Дѣян. 1, 7). *О дни тои и часъ никтоже вѣсть, ни ангели небеснии, токмо Отець Мой единъ* (Матѳ. XXIV, 36). Между тѣмъ нашей мысли весьма естественно уноситься туда, гдѣ всѣ мы будемъ по скончаніи временъ. Будущее стоитъ предъ нами грознымъ призракомъ, и если бы мы хотѣли забыть о немъ и отвернуться отъ него, оно при каждомъ неожиданномъ явленіи, насъ поражающемъ, напоминаетъ намъ о себѣ и о своей дѣйствительности, выдвигающейся изъ сумрачной дали временъ. Во всѣ времена находились люди, желающіе приподнять таинственную завѣсу будущаго; собирая раз-

¹⁾ Ibidem. col. 863—4.

сбывшя въ Писаніи указанія касательно будущихъ судебъ нашихъ, они старались освѣтить темную область, приковы- вающую къ себѣ наше воображеніе. Въ вѣкъ Ипполита особенно возбуждено было вниманіе христіанской мысли къ этой области. Тогда живо сохранялись въ памяти христіанъ сладкія обѣтованія того блаженства, какое уготовано въ будущемъ исповѣдникамъ имени Христова, вѣрнымъ Его ученію. Тогда было горячее ожиданіе наступленія того благодатнаго царства, устроить которое приходилъ на землю Господь Иисусъ Христосъ. Гоненія и преслѣдованія, какія терпѣли христіане, неволью возводили ихъ мысль и желанія отъ тяжелаго и непривѣтливаго настоящаго къ будущему, полному обѣтованій и надеждъ для благочестивыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхомъ для невѣрующихъ и нечестивыхъ, и чѣмъ чаще обращались они къ этому будущему, тѣмъ какъ будто ближе становилось оно для нихъ, и тѣмъ какъ будто болѣе разъяснялась для нихъ тайна, его окружающая. Св. Ипполитъ былъ сыномъ своего вѣка, и какъ человѣкъ, возвышающійся надъ другими своимъ знаніемъ, онъ хотѣлъ быть глашатаемъ общихъ чаяній и гаданій, ходившихъ въ кругахъ тогдашняго христіанскаго общества. Вмѣстѣ съ другими онъ часто думалъ о послѣднихъ временахъ, и разсчитывалъ, когда будетъ прішествіе антихриста, за которымъ послѣдуетъ новое славное явленіе Христа, и откроется Его царство. Вмѣстѣ съ другими онъ старался уяснить, что будетъ съ нашими душами послѣ смерти нашей, и какъ мы будемъ жить послѣ общаго воскресенія и суда. Къ уясненію таинственнаго примрака, въ какомъ представляются для насъ времена отдаленнаго будущаго, направлено сочиненіе св. Ипполита „о Христѣ и антихристѣ“⁴⁾. Этимъ же предметомъ занимается онъ между прочимъ и въ толкованіи на пророка Давіида, изъ котораго дошли до насъ и напечатаны довольно значительные отрывки⁵⁾. Къ буду-

⁴⁾ 'Αποδείξεις περί Χριστοῦ καὶ ἀντιχρίστου. Ρ. с. с. t. X, col. 725—802.

⁵⁾ Ρ. с. с. t. X, col. 637—688.

щей судьбѣ, насъ ожидающей, склоняется его слово и въ сочиненіи *Противъ грековъ* или *противъ Платона*—о причинѣ вселенной¹⁾). Этимъ же предметомъ, возбуждающимъ человѣческое любопытство, занимался Ипполитъ и занималъ своихъ слушателей и на церковной каѳедрѣ, какъ показываютъ нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки его проповѣдей. Предметъ мало открытый для насъ и мало доступный для нашей мысли. Объ немъ нѣтъ точныхъ опредѣленій ни въ Писаніи, ни въ преданіи всеменской церкви. Отъ того неудивительно, если у вашего отца, при его стремленіи разъяснить таинственное, встрѣчаются мысли смѣлая и произвольная. Фотій, дѣлая отзывъ²⁾ о комментаріяхъ Ипполита на книгу пророка Давида, указалъ въ немъ шаткую и произвольную мысль, не входившую въ общецерковное убѣжденіе и не оправданную исторією,—мысль, вытекавшую изъ желанія тогдашнихъ христіанъ скорѣе видѣть пришествіе царствія Христова,—это опредѣленіе времени пришествія антихриста, за которымъ послѣдуетъ конецъ теперешняго міра. Ипполитъ пришествіе антихриста, съ которымъ связана кончина этого міра, относитъ къ пятисотымъ годамъ отъ рождества Христова: такъ какъ міру, по представленію Ипполита, назначено существовать шесть тысячъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ послѣдуетъ его разрушеніе³⁾. „Должно (говоритъ онъ) исполниться числу шести тысячъ лѣтъ, чтобы наступила суббота, то есть, покой, день святой, въ который почилъ Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Суббота типъ и образъ будущаго царства святыхъ, когда они воцарятся со Христомъ, грядущимъ съ неба, какъ говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ“. По замѣчанію Фотія, эта мысль показываетъ скорѣе человѣческое невѣдѣніе, чѣмъ божественное вдохновеніе, и она не одна въ ряду тѣхъ смѣлыхъ предпо-

¹⁾ Patr. c. c. t. X, col. 795—802.

²⁾ Bibl. cod. (Cl).

³⁾ Patr. c. c. t. X, Fragmenta in Daniele, col. 645—6.

доженій, какими Ипполитъ восполнялъ скудость точныхъ свѣдѣній о предметѣ, намъ близкомъ и способномъ въ высшей степени заинтересовать любознательность нашу. Но Фотій, сдѣлавшій строгій отзывъ о произвольномъ гаданіи Ипполита касательно времени пришествія антихриста, находитъ несправедливымъ подвергать его за подобныя мысли нарекаію и осужденію. Не слѣдуетъ (замѣчаетъ онъ) много взыскивать отъ тѣхъ, которые первые приступили къ разъясненію таинственныхъ вещей, а скорѣе нужно воздать честь ихъ усердію, съ какимъ они пролагали путь другимъ къ постиженію обсуждаемаго ими.

Конечно, не обнимаютъ полноты ученія о послѣдней судьбѣ человека и міра отрывки бесѣдъ объ этомъ предметѣ святаго Ипполита. Они касаются только того или другаго частнаго вопроса изъ этой широкой и таинственной области, и служатъ свидѣтельствомъ того, что Ипполитъ на церковной кафедрѣ поднималъ бесѣды о томъ, что будетъ съ нами въ послѣдніе дни.

Одинъ отрывокъ, довольно значительный въ сравненіи съ другими по объему, сохранился изъ бесѣды о *воскресеніи и нетлѣннѣи*, о которой есть упоминаніе и у бл. Іеронима¹⁾, и на мраморномъ памятникѣ Ипполита. Онъ приведенъ у Анастасія Сиданта въ его *Путеводителѣ*²⁾. Содержаніе его не заключаетъ въ себѣ ничего, несогласнаго съ ученіемъ Евангелія и Церкви. Вотъ полный текстъ его: „*Въ воскресеніи, сказано, люди будутъ, какъ ангелы Божіи (Матѣ. XXII, 30), то есть, нетлѣнные, безсмертные, неподверженные измѣненію. Пбо нетлѣнная природа ни рождаеть, ни рождается, ни возрастаетъ, ни спитъ, ни алчетъ, ни жаждеть, ни утомляется, ни страдаетъ, ни умираеть, ни прободается гвоздями и копіемъ, не источаетъ ни пота, ни крови. Такого свойства существо ангеловъ и душъ, отрѣшившихся отъ*

¹⁾ Книга о знам. мужахъ, LXI.

²⁾ *Облѣгос. Patr. curs. compl. t. LXXXIX, col. 301—2.*

тѣла. Ибо тѣ и другія много рода и отличны отъ тварей этого міра, видимыхъ глазу и подверженныхъ тлѣнію¹⁾.

Въ другомъ отрывкѣ заявляется мнѣніе Ипполита о состояніи или мѣстопробываніи нашихъ душъ, по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла, до будущаго суда. Онъ взялъ изъ второй бесѣды на книгу пророка Давида. Здѣсь указаннаго предмета Ипполитъ касается мимоходомъ при рѣчи о пѣсни трехъ огроковъ въ печи вавилонской. Но ненарочитое слово о мѣстопробываніи душъ нашихъ по смерти. при этомъ высказанное Ипполитомъ, выражаетъ мысль, входившую въ убѣжденія нашего отца. Эта мысль довольно своеобразна по своему характеру и не утверждена авторитетомъ церкви. Между тѣмъ свидѣтельствомъ Ипполита, какъ аргументомъ, воспользовался Евстратій, пресвитеръ Константинопольскій (VI в.), въ трактатѣ противъ тѣхъ, которые говорятъ, что души наши, тотчасъ по отрѣшеніи отъ тѣла, перестаютъ дѣйствовать. А римско-католики²⁾ обращаютъ это мѣсто изъ Ипполита къ защитѣ своего догмата о чистилищѣ.

Вотъ этотъ отрывокъ³⁾:

„Тогда Азарія съ прочими, стоя среди печи, пѣсню и молитвами восхваляли Бога. Начавъ отъ святаго, славнаго и великолѣпаго имени, они перешли къ дѣламъ Господа, и первѣе всего призвавъ небесныя творенія, славословили, говоря: *Благословите, вся дѣла Господня, Господа* (Дан. III, 57). Потомъ пізошли къ сынамъ человѣческимъ, также по чину вознося пѣснь, затѣмъ призвали *подземныхъ духовъ ангельскихъ, стережущихъ тартаръ, и души праведныхъ, чтобы и они вмѣстѣ съ ними воспѣли Бога*“.

Ипполитъ полагаетъ, что души умершихъ, послѣ исхода изъ сего міра, пребываютъ въ какомъ-то подзем-

1) Patr. c. c. t. X, col. 861—2.

2) Allohii. De utriusque Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua in dogmate de purgatorio consensione, pag. 492.

3) Patr. c. c. t. X, col. 865—8.

номъ мѣстѣ. Въ отрывкѣ изъ бесѣды на Даниїла довольно глухо и неясно выражена мысль объ этомъ. Но она находитъ для себя восполненіе и уясненіе въ сочиненіи Ипполита противъ Платона или грековъ—о причинѣ вселившей. Въ этомъ сочиненіи Ипполитъ подробно изображаетъ то мѣсто, въ которомъ содержатся до всеобщаго воскресенія души умершихъ, какъ праведныхъ, такъ и неправедныхъ, и о которомъ онъ только кратко упоминалъ въ бесѣдѣ на Даниїла. Это мѣсто въ бесѣдѣ на Даниїла онъ называетъ тартаромъ, а въ сочиненіи противъ Платона адомъ. Тартаръ или адъ, по предположенію Ипполита, неустроенное подземное мѣсто, въ которомъ не свѣтитъ свѣтъ міра, и пребываетъ постоянная тьма. Мѣсто это есть какъ бы темница, назначенная для душъ, и нарочитые ангелы приставлены стражами къ этой темницѣ. Ангельскіе стражи, стерегущіе адъ, подвергаютъ содержащихся въ немъ различнымъ временнымъ наказаніямъ, смотря по дѣйствіямъ каждаго. Въ адѣ Ипполитъ видитъ три особыя отдѣленія. Одно отдѣленіе—озеро неугасимаго огня, въ которое до-нынѣ никто не вверженъ: оно приготовлено до опредѣленнаго Богомъ дня, когда изречется на праведномъ судѣ приговоръ, который однимъ назначитъ муку вѣчную, а другимъ вѣчное блаженство. Кромѣ этого огнепаго отдѣленія въ адѣ есть еще два особыя отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ содержатся нынѣ праведные, а въ другомъ грѣшныя. Входъ или спускъ въ страну ада одинъ: при вратахъ его поставленъ архангелъ съ воинствомъ. Вступающіе въ эти врата берутся ангелами, приставленными къ душамъ, и ведутся не однимъ и тѣмъ же путемъ. Праведные идутъ на правую сторону, въ предшествіи путе-водителей, освѣщающихъ путь ихъ, при гимнахъ многихъ ангеловъ, ихъ окружающихъ, и приводятся наконецъ въ свѣтлое мѣсто. Это мѣсто Ипполитъ называетъ дономъ Авраамовымъ. Въ этомъ донѣ Авраамовомъ изъ начала живутъ праведные, наслаждаясь созерцаціемъ благъ, тамъ видимыхъ, и ободряя и утѣшая себя надеждою на новыя

блага, гораздо большія и лучшія видимыхъ тамъ.—назначенія каждому изъ нихъ. Тамъ нѣтъ ни зноя, ни холода; не испытываютъ они тамъ никакого изнуренія, и всегда радостно лице праведныхъ, ожидающихъ, послѣ пребыванія въ этомъ мѣстѣ, покоя и вѣчной жизни въ небѣ. А неправедныхъ ангелы мучители влекутъ на лѣво, и не свободно идутъ они, а ихъ насильно тащатъ, какъ узниковъ. Сопровождающіе ихъ ангелы осыпаютъ ихъ поношеніями и укоризнами, и страшными угрожающими взорами приводятъ ихъ въ трепеть, и потомъ толкаютъ ихъ внизъ. Такимъ образомъ приславленные къ душамъ ангелы тащатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не ввергнуть въ мѣсто, лежащее подлѣ самой геены. Пребывая вблизи геены, души непрестанно слышатъ шумное клокотаніе геенскаго огня и страдаютъ отъ знойнаго чада, идущаго изъ геены. Видя страшное зрѣлище бушующаго огня, они ужасаются и трепещутъ, ожидая будущаго суда, и при такомъ видѣніи какъ бы уже испытываютъ мученіе, имъ угрожающее. Не видятъ они тамъ ни лика отцовъ, ни праведныхъ, и это создаетъ имъ новое мученіе. Ибо по срединѣ распростерта глубокая и великая провасть, такъ что никто изъ праведныхъ не можетъ придти къ нимъ, хотя бы влекло его сюда чувство состраданія, и ни одинъ неправедный не смѣетъ переступить ее¹⁾.

Не имѣютъ догматической достовѣрности такіа представленія объ адѣ и пребываніи въ немъ нашихъ душъ до всеобщаго воскресенія, какія мы встрѣчаемъ у Ипполита. Это благочестивыя гаданія мысли, смѣлымъ полетомъ уносящейся въ сокровенную отъ насъ область, недоступную для нашего ума. Они принадлежатъ къ разряду частныхъ мнѣній, какими древніе отцы нерѣдко старались опредѣлять неопредѣлимое и освѣтить темное. Но и въ этомъ частномъ мнѣніи, не вошедшемъ въ церковное преданіе, какъ оно изложено у Ипполита, нѣтъ основанія для римско-католи-

¹⁾ Patr. c. c. t. X, col. 795—799.

ческаго ученія о чистотѣ. По мысли Ипполита, неправедныя души, разъ заключенныя въ темномъ мѣстѣ подлѣ геенны, и не попавшія въ лоно Авраамово, уже не могутъ перейти оттуда въ другое мѣсто, и не перестанутъ мучиться тамъ до дня будущаго всеобщаго страшнаго суда.

Съ именемъ Ипполита существуетъ и довольно распространено въ литературѣ полное слово, посвященное тому же предмету, къ какому относится два, только что упомянутые нами отрывки изъ его бесѣдъ. Оно издавна извѣстно было и въ нашей русской письменности, и встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ подъ именемъ слова о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа (см. Сборникъ, напечатанный при патриархѣ Іосифѣ 1647 г.), гдѣ оно приурочивается къ предѣлу мясопустной, въ которую читается Евангеліе о страшномъ судѣ. Но мы не можемъ включать этого слова въ обзоръ проповѣдническихъ произведеній нашего отца, и должны упомянуть о немъ только для того, чтобы показать, что оно напрасно носитъ имя Ипполита. Ипполитъ дѣйствительно писалъ объ антихристѣ и о послѣднихъ временахъ, какъ свидѣтельствуемъ Іеронимъ ¹⁾ и Фотій ²⁾, и какъ мы говорили выше. Но сочиненіе Ипполита не проповѣдь, а разсужденіе. Оно озаглавливается „*Ἀποδείξις περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ ἀντιχριστοῦ*“ (изложеніе или, какъ переведено въ славянской рукописи XII вѣка, сказаніе о Христѣ и антихристѣ). Оно писано, какъ видно изъ обращенія, встрѣчающагося въ самомъ началѣ его, къ нѣкому Теофилу, котораго Ипполитъ называетъ возлюбленнымъ братомъ своимъ, и писано во исполненіе его усерднаго желанія имѣть отъ Ипполита разъясненіе *неудобно познаваемаю и неудобопринимаемаю* предмета, составляющаго содержаніе сказанія. Самъ Ипполитъ названіемъ „предло-

¹⁾ Книга о знам. мужахъ. I. XI.

²⁾ Biblioth. cod. ССН.

женныхъ главъ“ (τὰ προτεθέντα κεφάλαια) отмѣчаетъ это сочиненіе въ самомъ его вступленіи, что, само собою понятнo, не можетъ имѣть приложенія къ церковной бесѣдѣ. Подъ именемъ Теофила, которому писано сказаніе объ антихристѣ, разумѣютъ илие собственное имя¹⁾, а другіе нарицательное,—боголюбца вообще. Оно найдено въ Реймсѣ въ двухъ рукописяхъ, и издано въ первый разъ Гудіемъ въ Парижѣ въ 1660 году. А другое сочиненіе, существующее въ формѣ слова, и озаглавленное „Τὸ μακαριστάς Ἰππολίτου ἐπισκόπου καὶ μάρτυρος λόγος περὶ τῆς συντελείας τῆ κόσμου καὶ περὶ τῆ ἀντιχρίστου καὶ εἰς τῆν δευτέραν παρουσίαν τῆ Κορίν θηρῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, хотя извѣстно было въ печати раньше изданнаго Гудіемъ (оно издано въ первый разъ въ 1557 году членомъ Парижскаго сената, впоследствии каноникомъ Никою), не можетъ быть признано такимъ же древнимъ, какъ сказаніе о Христѣ и антихристѣ, и обязаю своимъ происхожденіемъ какому либо позднѣйшему автору;—компилятору, который только пользовался мыслями, раскрытыми Ипполитомъ въ его подлинномъ сочиненіи. Подробное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ представилъ въ 1868 году извѣстный Невоструевъ въ сочиненіи: „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII вѣка, съ изслѣдованіемъ о словѣ и о другой мнимои бесѣдѣ Ипполита о томъ же, съ примѣчаніями и приложеніями“. По сличеніи мнимои бесѣды Ипполита съ подлиннымъ его сочиненіемъ о Христѣ и антихристѣ, Невоструевъ нашелъ, что авторъ слова „о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа“ только малую часть взялъ у Ипполита, а гораздо больше заимствовалъ изъ слова Ефрема

¹⁾ Фабрицій (Hipp. Opp., Hamb. 1716, p. 4), а вслѣдъ за нимъ Реми Селье (Histoire generale des auteurs sacrez et ecclesiast. t. II, c. XXVII, p. 334) высказываютъ мнѣніе, что это, можетъ быть, тотъ самый Теофилъ, въ которому обращается Меодій, епископъ паларскій, въ своемъ трактатѣ о воскресеніи, называя его судьей своихъ рѣчей. Apud Eriphan. Sacres. 64, pag. 540.

Сирина о томъ же предметѣ, изъ толкованій на Апокалипсисъ Андрея Кессарійскаго и другихъ позднѣйшихъ писателей. У Ефрема Сирина заимствовано и самое заглавіе слова, и это показываетъ, что оно служило автору главнымъ источникомъ. Между прочимъ въ мнимомъ словѣ Ипполита видно сильное вліяніе слова, приписываемаго Меодію патарскому о царствѣ народовъ, но принадлежащаго позднѣйшему автору, жившему въ періодъ поработченія Востока сарацинами; такъ какъ въ иныхъ спискахъ оно и надписывается „Слово отца нашего Меодія... о борьбѣ сарацинъ и римлянъ и о Божіей помощи и заступленіи и совершенномъ истребленіи и уничтоженіи сарацинъ и о концѣ міра“. Изъ этого слова, по замѣчанію Невоструева, редакторъ мнимой бесѣды Ипполита заимствовалъ и главную идею, именно, что прегрѣшенія и неистовства мусульманъ означаютъ послѣднія времена и служатъ знаменіями близкаго прішествія антихриста. Въ словѣ о скончаніи міра и о антихристѣ, по замѣчанію ученых¹⁾, и слогъ не тотъ, что у Ипполита: Селъе находитъ этотъ слогъ низкимъ и ребяческимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ благородствомъ рѣчи, какимъ отличается Ипполитъ²⁾,— и встрѣчаются такіа представленія, какія противорѣчатъ подлиннымъ мыслямъ Ипполита, и которыхъ ложность для всѣхъ очевидна, напримѣръ будто Іоаннъ Богословъ не умиралъ, и будто онъ прідетъ вмѣстѣ съ Енохомъ и Іаіею свидѣтельствовать противъ антихриста, и будто антихристомъ будетъ не человѣкъ, а діаволъ, который только приметъ призрачную плоть человѣческую, и будто души человѣческія существуютъ отъ вѣчности³⁾, и есть не мало явныхъ анахронизмовъ, обличаю-

¹⁾ Невоструевъ, слово св. Ипполита объ антихристѣ, стр. 54, 93. Историч. ученіе объ отцахъ церкви, Филарета Черниговскаго, т. I, стр. 117.

²⁾ Hist. gener. des auteurs sacres et eccles. t. II, c. XXVII, p. 360.

³⁾ Ceillier. Hist. gener. des auteurs sacres et eccles. t. II, c. XXVII, p. 360—1 Историч. ученіе объ отцахъ церкви Филарета Черниг. г. I, стр. 117. Невоструевъ. Слово Ипполита объ антихристѣ, стр. 57—9. 93.

щихъ въ авторъ челоуѣка времяъ гораздо позднѣйшихъ Иполитова вѣка, на примѣръ рѣчи о мовашествѣ въ такомъ устройствѣ, какое оно получило только въ IV и V вѣкахъ, упоминанія о житіяхъ святыхъ, которыя начали появляться уже послѣ IV вѣка, о храмахъ, какъ мѣстахъ непрерывнаго общественнаго богослуженія, чѣмъ они сдѣлались со времени Константина Великаго. Певоструевъ, вмѣстѣ съ Мелеромъ¹⁾, полагаетъ, что извѣстная съ именемъ Иполита бесѣда—произведение какого-нибудь средневѣковаго грека. Успѣхи и завоеванія сарацннъ, въ особенности жестокости и неистовства турокъ внушили многимъ мысль о близкой кончинѣ міра и скоромъ пришествіи антихриста. И вотъ явился компиляторъ, который собралъ изъ разныхъ писаній относящихся къ антихристу и послѣднимъ временамъ, и сводъ этихъ сказаній пустилъ съ именемъ Иполита, древнѣйшаго изъ отцовъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался. Въ Греціи, еще до паденія Константинополя оно было уже довольно распространено и введено было въ собранія церковныхъ поученій, назначенныя для церковнаго употребленія, отсюда перешло и къ намъ.

У ученыхъ слово о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа никогда не заслуживало добраго отзыва, и всѣ считаютъ его недостойнымъ имени того отца, которымъ ложно оно надписывается. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, пожалѣлъ о томъ, что оно переведено на славянскій языкъ. По его словамъ, „оно вовсе не заслуживало бы перевода“²⁾. А между тѣмъ для нашихъ раскольниковъ это произведение, наполненное странными и ложными представленіями, и искажающее истинное ученіе отцовъ, служить святынею и писаніемъ высокаго авторитета, и имъ они пользуются или злоупотребляютъ, чтобы возводить хулу на церковь, отъ которой отторглись по темному невѣднію и свесволю.

В. Пльницкій.

¹⁾ Patrologie oder christl. Literärgeschichte, S. 399. См. объ антихристѣ, стр. 97.

²⁾ Истор. ученіе объ отцахъ церквей. Т. 1, стр. 117.